

ECONOMIC CULTURE OF MEGALOPOLIS

2016

20-21 мая

Международная
научная
конференция

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МЕГАПОЛИСА

Сборник тезисов V Международной научной конференции Центра исследований экономической культуры факультета свободных искусств и наук СПбГУ

Центр исследований экономической культуры СПбГУ
при участии МЦСЭИ «Леонтьевский Центр»

20-21 мая 2016 г., Санкт-Петербург

Smolny
факультет свободных искусств и наук

Содержание

Trust, Diversity, and Segregation / Uslaner Eric	8
From the market to the living-room. The centrality of the urban scale to produce typicality / Magagnoli Stefano	9
The Changing Chinese Economic Culture in Globalization / Fang Tony Xiao Hui	10
Right to the City or Urban Commoning? Thoughts on the Generative Transformation of Property Law / Mattei Ugo	11
Changing Russian economic culture through a Yin Yang perspective / Dina Chimenson	12
Экономика зрелищ. Как учреждения культуры создают доходы и почему результатом их деятельности становятся другие полезные вещи / Анашвили Валерий	15
Аниме как инструмент распространения японской культуры и продвижения товаров / Артемов Роман	16
Креативный город. Новейшая история: репрезентации города в кинематографе российских женщин-режиссеров / Артюх Анжелика	15
Екатеринбург: символические карты. Город глазами иностранцев / Бабец Наталия, Пискунова Лариса, Шапиро Ефим	17
Подходы к оценке вклада культурных и креативных индустрий в экономику города / Булина Анна	18
Социальный капитал и город: вопросы методологии / Веркеев Арсений	19
Идеальный советский город: попытка конструирования утопии (на примере Москвы) / Вершинина Инна	21
Социальные практики питания в мегаполисе: сравнительный анализ Нью-Йорка, Пекина и Санкт-Петербурга / Веселов Юрий	23
Сервисный сектор крупнейших российских городов: мифы и реалии / Власова Наталья	25
Пространственные внешние эффекты и распределение властных полномочий в мегаполисе / Воробьев Андрей	27
Репрезентация Венеции в кинофильмах: использование мифов о городах сервисной экономикой / Воробьева Мария	29
Государственная политика урбанистического пространства: риторика и реальность (на примере проекта Новая Москва) / Гавриленко Ольга	30
Фокус социально-экономических проблем города в энцикликах XIX («Rerum Novarum») и XXI («Laudato si») веков / Голубев Константин	32
Характеристика жизненного уровня населения российских мегаполисов в контексте экономической безопасности / Градусова Валентина	33
Сценарии политизации в биографиях городских активистов — участников муниципальных выборов города Санкт-Петербурга 14 сентября 2014 года / Григорьева Анна	35
Развитие электронных государственных услуг в мегаполисе / Гуляева Валерия	36
Исключенные третьи: городские маргиналы как отсутствующее звено экономики культурных институций города / Гусев Дмитрий	38
Авторское право и создание творческого продукта на рынке исполнительского искусства / Денисевич Антонина	40

Особенности культурной экономии мостовых в больших городах / Димке Дарья, Руденко Николай	42
Пути решения проблемы бедности в российских мегаполисах / Добросоцкий Виктор	43
Город: экономика растущего одиночества / Донских Олег	45
Потребление пива — элемент городской культуры. Некоторые экономические аспекты / Дробышевский Сергей	47
Проблемы пространственной структуры современных городов / Дубянский Александр	48
Театральная индустрия и гражданское общество в Санкт-Петербурге / Заостровцев Андрей, Ширяева Ярослава	50
Качество городской среды как фактор формирования трудового потенциала мегаполиса / Зарукина Елена	52
Город для профессионального сообщества: как ИТ-специалисты конструируют места технонауки / Земнухова Лилия, Сивков Денис	54
Суперурбанизация и новая конфигурация неравенства / Иванов Дмитрий	55
Неустойчивость трудовой биографии горожанина: мотивационные риски / Игнатова Светлана	57
Информационно-коммуникативные технологии в конструировании социального пространства мегаполиса / Игнатьев Владимир	59
Экономические аспекты языковой ситуации в мегаполисе / Кадочников Денис	61
Японский тренд в питании жителей российских мегаполисов / Капусткина Елена	62
Городские путеводители и символическое присвоение публичного пространства / Кропотов Сергей	63
Культурная экономия чувств городских систем мобильности / Кузнецов Андрей	64
Зоопарки как часть городского пространства: история и современность / Курбанов Артемий	65
Социальное конструирование креативных пространств в современном мегаполисе (на примере Пекина и Санкт-Петербурга) / Лебединцева Любовь	67
Межмуниципальное сотрудничество как вызов развитию мегаполисов в России / Лимонов Леонид	69
Развитие человеческого потенциала в российских мегаполисах / Липатова Людмила	71
Принципы устойчивой жизни в условиях кризиса на примере городского дауншифтинга / Локтева Дарья	73
Экономический упадок города в XVIII главе Апокалипсиса / Лукин Сергей	75
Продвижение бренда города как столицы проведения международного спортивного соревнования / Лукичева Татьяна	77
Город-пространство-сюжет: «городская теория» в гостях у русской литературы / Лысаков Павел	79
Бухгалтерские отчеты как источник сведений о проблемах и достижениях городского хозяйства (на примере отчетов города Москва конца XIX — начала XX веков) / Львова Дина, Назаров Дмитрий	80
Малый этнический бизнес / Маркарян Аревик	81
Перспективы развития интернета вещей / Маркеева Анна	83

Город как пространство социального неравенства / Мартыненко Татьяна	85
Ассоциации рестораторов как предпосылка и маркер уровня экономической культуры мегаполиса / Меньшикова Галина, Санжимитупова Туяна	86
Совместное потребление в городском пространстве: модный тренд или новая модель потребления? / Минеева Александра	87
Влияние университета на формирование экономики города (на примере Санкт-Петербурга) / Михайлюк Марина	89
Программный подход в управлении муниципальными финансами / Морунова Галина	90
Прототип и открытый код — метафоры и инструменты совместного производства пространства / Ненько Александра	92
Динамика рынка фастфуд в мегаполисе / Никифорова Ольга	94
Организация мегаспортивных мероприятий в мегаполисе (на примере XXXI Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро) / Нуреев Рустем, Маркин Евгений	95
Города, инновации и использование человеческого потенциала / Одинг Нина, Савулькин Лев	97
Тегеран: иранский мегаполис между традицией и современностью / Павлов Дмитрий	99
Исторические аспекты развития городов / Панич Наталья	100
«Новые экономики» — что в них нового? / Паченков Олег	102
Бизнес и искусство: будущее индустриальных территорий. Уральская индустриальная биеннале как инструмент развития городского пространства / Пискунова Лариса, Старостова Людмила, Янков Игорь	104
Прекаризация труда и самозанятость: расцвет экономики совместного пользования / Платонова Юлия	106
Акцизы на пиво: роль в региональном экономическом развитии / Погорлецкий Александр	107
Интегрирование финансов бюджетного (некоммерческого) сектора города / Подолянец Лада	108
Социальный капитал в городе — что, где и зачем? / Полищук Леонид	110
Право на город: интересны ли жителям города его публичные пространства? / Прокофьева Алена	112
Все, что я знаю об уличном искусстве / Радя Тимофей	114
Глобальные города и транспортные пробки / Рахманов Азат	115
Траектории развития коворкинг-пространств в современном Санкт-Петербурге / Родионова Елизавета, Черток Анна-Ребекка	117
Урбанизация и неопределенность: посткейнсианский подход / Розмаинский Иван	118
Влияние религии на социальные практики питания (на примере индустрии «Халяль») / Сабиров Игорь	120
Города-регионы в системе бюджетного федерализма России: точки роста или фактор неравномерного развития? / Слепухина Ирина, Юшков Андрей	121
Эволюция экономического поведения горожан и символическое потребление / Солодовников Сергей	122
Социальные практики потребления органических продуктов питания в российских мегаполисах / Таранова Ольга	123
Мегаполис: плотность населения и проблема доверия / Тульчинский Григорий	124
Вальтер Беньямин об экономике и эстетике мегаполиса: старьевщик в «столице XIX столетия» / Фокин Сергей	125
Конструирование репутаций креативных профессионалов на рынке актуального искусства: случаи Гамбурга и Санкт-Петербурга / Хохлова Анисья	127

Ипотека в современном российском городе: новые биографические риски и возможности / Хохлова Анисья, Тыканова Елена	128
Этические аспекты, доходы и издержки рынка алкоголя в Минске / Худолеева Мария	130
Город и креативные индустрии / Хуснутдинова Светлана, Сафонова Мария	131
Китайский ресторан в Санкт-Петербурге: экономико-социологическое исследование / Цзинь Цзюнькай	133
Городские пространства — от ничейности к коммунальности / Шейкин Артем	134
Естественные монополии в структуре мегаполиса / Шишкин Михаил	136
Особенности потребительского поведения в условиях мегаполиса / Шишкина Татьяна	138
«Паноптикум» альтернативных экономик / Щукин Денис	140
Городские гражданские инициативы. Кейс «Красивый Петербург» / Яшина Алина	142

Trust, Diversity, and Segregation

Uslaner Eric

University of Maryland,
USA

Megalopolis throughout the world have become far more diverse and marked by greater inequality than in the past. These trends have led to declines in the quality of life in many cities. In particular there seems to be a wariness of people of different backgrounds and a lower level of trust in other people. Since trust makes it easier to reach collective decisions and to pursue goals that enhance the quality of life, some scholars and political leaders now argue that increasing diversity leads people to withdraw from civic life and to a greater sense of anomie more generally. People are less likely to trust others who may be different from themselves. And this increase in diversity is seen as the source of a weakened civic life and to more severe problems in the megalopolis. I challenge this view and argue that that it is not diversity, but rather residential segregation that leads to lower levels of trust and other negative outcomes in communities—such as higher crime, lower levels of employment and more crime. Segregation isolates people and leads to conflict between majority and minority groups and to more conflicts among racial, religious, and ethnic groups—as well as between classes. In contrast, integrated and diverse neighborhoods will lead to higher levels of trust, but only if people also have diverse social networks. I examine the theoretical and measurement differences between segregation and diversity and summarize results on how integrated neighborhoods with diverse social networks increase trust in the United States, Canada, the United Kingdom, Sweden, and Australia and how they increase altruism toward people of different backgrounds in the United States and the United Kingdom. I also show how different immigration and integration policies toward minorities shape both social ties and trust.

From the market to the living-room. The centrality of the urban scale to produce typicality

What was, and what is, the role of the cities in contributing to the success of the products territorial patronymics? How the urban organization — manufacturing, trade and social — has been an important factor in codifying and in recognizing the typicality? Typicality that allows products to enjoy a competitive edge on markets.

**Magagnoli
Stefano**

University of Parma,
Italy

Observing the silhouette of the European food history, it is possible to note that product and area of origin are already linked since the medieval time. The provisions of the cities and the early development of the food markets strengthen this link, transforming the place of origin into a guarantee of authenticity and quality. This process expedited between 14th and 15th centuries, thanks to the gradual growth of large in scale trade.

Already in the 14th century the foodstuffs denominations of origin are spread. Obviously, not all of them are credible denominations. Nevertheless it is important to highlight that however — already in the late Middle Ages — a lot of people (merchants, consumers, etc.) believed that typicality rooted in a specific place of origin were real.

So, we can suppose that the urban market was the most important incentive to codify the “territorial patronymics” of products. In the same way – moreover – the urban markets allowed to build a gastronomical culture, insuring the circulation of resources and the exchange of local identities, and promoting also the exchange of recipes, that were the true driver that spread the local reputations and built the food hybridizations.

This paper aims to show the results of “multilevel” research on the topic of reputation and on different ways with which it is built and presented to markets in the long run. All this highlighting the important role of the cities (and, of course, of the social groups that represent the trend setters) in orienting fashions and food consumptions.

The Changing Chinese Economic Culture in Globalization

**Fang Tony Xiao
Hui**

Stockholm
Business School
of Stockholm
University, Sweden

China copied essentially the former Soviet Union model to develop its economy during its first 30 years (1949–1978) to be followed by the US model of market economy China learned and practiced basically during the next 30 years (1979–2008). Today, China is in its third 30 years economic development driven increasingly by innovation, sustainability, social justice, and internationalization of a Nordic character. In response to such as dramatically changing political and social environment Chinese economic culture has undergone tremendous changes since the Communist China was founded in 1949. Despite all the changes China seems to have never given up its single most important cultural characteristic, i.e. the ability to manage paradoxes. Through the analysis of eight pairs of paradoxical values, referring to business and society in Chinese megacities this presentation offers inspiration for economic culture research in theory and practice.

Right to the City or Urban Commoning? Thoughts on the Generative Transformation of Property Law

The economic and political transformations determined by the rise of neoliberalism are usually studied at a state dimension, while the urban one is quite ignored. Nevertheless, the government of the city has been influenced by global and national recent changes and all the municipal sectors have been touched by the austerity's recipe. The decrease of urban public spaces, their privatizations as well as gentrification transform city planning that is often unable to elaborate alternative solutions against the overexploitation of the urban territory and the increase of inequalities caused by economic crisis. In a city, after all, it is impossible to hide inequalities and injustices. In the last years, cities have often been the theater of political struggles against the privatization of public spaces, evictions and the dissolution of the urban welfare. In many cases, the demonstrators have occupied parks or abandoned buildings (theatre, condominiums...), and used them to find a temporary solution to their different needs (housing, social space, new forms of work, urban gardens...). They denounce the great number of public or private empty spaces (for instance, the abandoned infrastructures left by the process of deindustrialization) and their neglect. According to the right to the city they claim, the inhabitants have to produce urban spaces starting from their own needs: empty spaces become an opportunity, the urban care is a collective task. This approach shares the logic of the commons, which reclaims a new paradigm based on inclusion, participation and social and ecological use of resources: according to many scholars, also urban spaces are commons.

Mattei Ugo

University of Turin,
Italy, Hastings
College of Law,
USA

Changing Russian economic culture through a Yin Yang perspective

Dina Chimenson

Stockholm
Business School,
Sweden

Culture has long been studied essentially as an internally consistent construct in the mainstream scholarship. The dynamism of cultures, i.e. the variety, variation, and contradiction of cultural values inherent within any culture itself including economic culture has been extremely underresearched. In this paper we attempt to develop an understanding of the changing Russian economic culture by looking at its internal tensions or opposites in terms of eight paradoxical value orientations: 1) Guanxi (*blat* and *svyazi*) vs. Professionalism; 2) Importance of face (and soul) vs. Self-expression and directness; 3) Thrift vs. Materialism and ostentatious consumption; 4) Family and group orientation vs. Individuation; 5) Aversion to law vs. Respect for legal practices; 6) Respect for etiquette, age and hierarchy vs. Respect for simplicity, creativity and competence; 7) Long-term orientation vs. Short-term orientation; and 8) Traditional creeds vs. Modern approaches. The paper rests epistemologically on the Yin Yang thinking – an ancient Chinese philosophy and a holistic, dynamic, and dialectical world view. We hypothesize that the Yin Yang thinking explains the richness, complexity and coherence of Russian economic culture in the era of globalization in general and Russian business behavior in particular which may look perplex, inconsistent and unfathomable in the Western eyes. Our findings contribute to the emerging Yin Yang perspective on culture in the Russian context. Practically, the findings may help bridge, at least in part, some seemingly insurmountable gaps in cross-cultural communication between Russia and the West not least in the economic areas.

Экономика зрелищ. Как учреждения культуры создают доходы и почему результатом их деятельности становятся другие полезные вещи

Доклад посвящен исследованию роли культурного сектора в развитии экономики, укреплении социального капитала и увеличении экономической активности населения.

На примере нескольких кейсов будет показано, каким образом сохраняются и генерируются доходы от культурных активов, какую роль культурные индустрии играют в возрождении, развитии и маркетинге территорий, какие социально значимые изменения влечет за собой развитие культурного и креативного секторов. Речь пойдет о меняющемся характере культурного производства, механизмах «культурализации» экономики и превращении культуры в инструмент эффективной экономической стратегии на местном и федеральном уровнях.

**Анашвили
Валерий**

журнал «Логос»

Аниме как инструмент распространения японской культуры и продвижения товаров

Артемьев Роман

Минская духовная
академия

Современное общество представляет собой открытое социокультурное и религиозное пространство, в котором происходит постоянный обмен огромными потоками информации. Человек, находясь в обществе, все чаще сталкивается с языком других культурных традиций и мировоззрений.

В маркетинге идей и товаров при их продвижении значительная роль принадлежит исследованиям средств массовой информации. Среди методологических подходов следует выделить историко-концептуальный анализ, который позволяет рассматривать СМИ не только как элемент современного общества, но и как мощный механизм формирования и влияния на общественное мнение.

В настоящее время сложно переоценить важность распространения национальной культуры любого государства среди граждан иных стран. Для этого используются различные модели: выставки, дома культуры, продажа товаров и т. д. Япония же выбрала вариант распространения культуры через медиaprостранство.

Японская анимация уже давно открыто используется для распространения и тиражирования японской культуры. Существуют студии, ориентированные на западного зрителя и специально создающие аниме, которые смогут быть конкурентоспособными на западном медиарынке. В связи с повсеместным распространением японской культуры, в том числе в Беларуси и России, актуальной является задача анализа механизмов распространения и тиражирования японской культуры и продвижения товаров с помощью аниме.

Одним из этих механизмов является создание аниме для рекламы или продвижения игрушек для детей, аксессуаров для взрослых или новых гаджетов. Примером подобного подхода можно назвать аниме «Покемоны», которое было выпущено на экраны за полгода до официальных продаж одноименной игрушки.

Также следует отметить тот факт, что урбанистические темы являются главными в подобных аниме, так как ориентированы на городских жителей.

Креативный город. Новейшая история: репрезентации города в кинематографе российских женщин-режиссеров

Женский кинематограф — возможно, одно из самых любопытных явлений в российской культуре последних лет. Россия, как и многие другие страны, в последний годы демонстрирует своего рода бум на фильмы женщин-режиссеров. Именно о них пойдет речь, поскольку их творчество отражает новейшие взгляды на репрезентацию города, причем не столько имперские, что по точному замечанию E. Ann Kaplan (the “male” gaze and the “imperial” gaze cannot be separated within western patriarchal culture), но и совсем другого рода, которые можно было бы назвать космополитичными. Эта космополитичность все больше становится характерной не только для фильмов российских женщин-режиссеров, но и для женщин-режиссеров других стран; возможно поэтому женский кинематограф сегодня все больше и больше трактуется как World cinema в западных исследованиях кино феминизма. Рассматривать особенности репрезентации двух российских «культурных столиц» (Москвы и Петербурга) мы будем прежде всего на примерах фильмов Оксаны Бычковой, пока не сумевшей сделать себе громкое международное имя, но успешной в России, а также Анны Меликян, дважды получавшей награды «Кинотавра» и в начале карьеры успешно выступившей на американском Sundance Film Festival. Наша цель — показать, что желание стать частью мирового комьюнити постепенно становится своего рода характерной чертой кинематографа молодого поколения женщин-режиссеров даже в стране, в которой общая российская политика в настоящее время направлена на имперскую самоизолированность от остального мира, патриархизацию и культивирование национальной одномерности. Сравнительный анализ фильмов режиссеров, принадлежащих к одному поколению, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что, несмотря на различие стилей, тем и бэкграундов, женщины-режиссеры в современной России осуществляют скорее совместный поиск, нежели индивидуальный. Это стремление к открытому миру их во многом объединяет, несмотря на практически полное отсутствие институций объединения. В отличие, скажем, от США, где площадками объединения женщин-режиссеров становятся не только фестивали, вроде Sundance Film Festival, но и организации, такие как Film Fatales, Alliance of Women Directors, Women in Film и другие, которые поддерживают проекты, дистрибуцию и фестивальную судьбу женщин-режиссеров, Россия обладает только одной площадкой объединения — это фестиваль «Кинотавр». Неинституциализированность

Артюх Анжелика

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербургский государственный университет

женщин-режиссеров сильно препятствует динамичной возможности войти их фильмам в глобальный контекст осмысления и дистрибуции, однако общность усилий позволяет говорить о базовом законе развития любой культуры, включая российскую, в эпоху Интернета и новых медиа искать пути преодоления локальных и национальных границ. Мы попробуем доказать, что благодаря этому современному базовому закону, российская культура, и в частности кинематограф женщин-режиссеров, является своего рода counter-cinema, формой сопротивления общей современной политике российской власти, поскольку поддерживает стратегию не столько закрытого мира, сколько открытого, основанного на диалоге с другим, и не культивирующего бинарной оппозиции «свой/чужой», свойственной для дискурса советской империи.

Екатеринбург: символические карты. Город глазами иностранцев

Предмет исследования: особенности восприятия иностранцами «символического» в пространстве города.

Проблема: трансформация семантических карты города в сознании иностранцев до и после посещения/жизни в городе (конфигурации совпадений, зазоры, лакуны).

Цели исследования: выявление причин несовпадения позиционируемого и воспринимаемого; изучение источников, механизмов и инструментов создания карт символически нагруженных пространств города в сознании его жителей и гостей.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, семантические карты, визуальные коммуникации, эстетика и экономика города.

Современное развитие городов России все больше и больше ориентируется на международную среду. В городах появляются филиалы интернациональных компаний, усиливается академическая мобильность, развивается туризм. Источниками формирования образа города в сознании иностранцев являются такие ресурсы, как интернет, печатные издания (путеводители), рассказы знакомых, различные исторические сведения, фотографии. Информация, представленная во всевозможных источниках, не всегда является актуальной, достоверной и объективной, вследствие чего образ, возникающий в сознании потенциального туриста, может оказаться не в полной мере соответствующим действительности. Этот разрыв указывает на проблемы позиционирования, сохранения и представления «символических» мест города во внешнее пространство.

**Бабец Наталия,
Пискунова
Лариса,
Шапиро Ефим**

Высшая школа
экономики
и менеджмента
Уральского
федерального
университета

Подходы к оценке вклада культурных и креативных индустрий в экономику города

Булина Анна

Санкт-Петербургский государственный университет

Интерес экономической мысли к культуре можно проследить и в далеком прошлом, однако говорить о «культурной экономике» можно только начиная с 1960-х годов. Опубликованная Уильям Баумолем и Уильямом Боуэном в 1966 году работа «Исполнительские искусства: экономическая дилемма» считается началом этой субдисциплины. Однако вопросы, поднимаемые в рамках нового направления исследований, так или иначе затрагивались экономистами в течение предшествующих веков.

Вопрос о том, являются ли культура и искусства драйверами экономического роста, становится все более популярным среди исследователей, занятых анализом возможных направлений устойчивого и социально ответственного роста. Подход к пониманию роли организаций культуры, «культурных» товаров и услуг, изменялся радикально: от «болезни Баумоля», оправдывавшей государственные расходы на эту сферу до провозглашения «креативного класса» и «креативных городов» единственными настоящими факторами роста современной экономики. Эти подходы применяются не только по отношению к современным процессам, связанным с коммодифицированной культурой, или к построению стратегий развития, но и к различным периодам истории культуры и искусств. Сегодня многие города и страны используют культурное наследие, культурные мероприятия и учреждения для улучшения своего образа, стимулирования городского развития и инвестиций, не забывая и про туристическое направление. Культурный и творческий аспекты в этих условиях присутствуют на всех этапах: от локального уровня креативного мышления, до демонстрации факта потребления или обладания на международном уровне.

Нами анализируются следующие ключевые моменты: подходы к оценке вклада культурных и творческих индустрий в экономику города, агломерации; связь «креативных индустрий» и инновационной активности. Рассмотрены подходы к анализу взаимоотношений культурного и экономического в контексте города и выявлению инструментов, воздействующих на генерируемый культурой экономический рост. Поднимается вопрос, является ли культура как отрасль важной составляющей экономического роста или только одним из продуктов этого роста.

Социальный капитал и город: вопросы методологии

Городу свойственна особая структура организации хозяйства и сложный характер социальных сетей. Изучение этого комплексного явления требует междисциплинарного подхода — синтеза экономики и социологии. В последнее время эти науки демонстрируют сближение, формируя общую терминологию и теоретические предпосылки, о чем в контексте общего социального анализа пишет Виктор Полтерович (2011). Одним из понятий, которое сегодня прижилось внутри как экономики, так и социологии, является «социальный капитал». Однако, как замечает Парта Дасгупта (2008), практика его употребления часто связана с недоразумениями: отождествлением с другими схожими понятиями (например, уровнем межличностного доверия) и нормативной установкой на хорошее, то есть игнорированием отрицательных эффектов от использования социального капитала. Этому можно противопоставить позицию, в соответствии с которой социальный капитал следует рассматривать как более широкое понятие по отношению к понятию доверия. Также не вызывает сомнений, что, подобно экономическому или человеческому капиталу, капитал социальный обретает свою качественную характеристику благодаря тому, как и кем он используется. Здесь оказывается полезным возвращение к классическим теоретическим предпосылкам, разработанным Джеймсом Коулманом (1988). Такого рода обращение к ранним работам способствует критическому восприятию современной дискуссии.

Предполагается, что социальный капитал эмпирически измеряем. Методология исследования должна быть заключена в строгие теоретические рамки, которые в случае с социальным капиталом скорее отсутствуют, что проявляется в значимых различиях между практиками его измерения. В связи с этим Леонид Полищук и Ринат Меняшев (2011) указывают на комплексный характер этой концепции, говоря о трех ее составляющих: социальных сетях, нормах и доверии. Практики измерения можно соотнести с различными уровнями институциональной структуры экономики. Так, на мировом и национальном уровнях не обойтись без количественного анализа экономических индикаторов и массовых опросов, в то же время это тот случай, когда тип данных не вполне соответствует объекту анализа. Объем социального капитала важен, но не менее важно то, как именно он используется. При этом очевидно, что социальный капитал завязан на межличност-

**Веркеев
Арсений**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

ных отношениях. Таким образом, в случае с городом (региональный уровень) актуальны качественные методы, позволяющие выявить структуру сетевых связей, характер норм и параметры доверия в каждом из секторов экономики и составить общую картину о характере экономических взаимодействий. Согласно Антону Олейнику (2014), в социальных науках количественные данные вряд ли когда-то заменят качественные. Работа с анкетами, интервью и наблюдаемыми практиками имеет все шансы принести не меньшую пользу, чем приносит анализ вторичных показателей. В городском контексте это становится особенно важным, поскольку здесь к социальной локализации добавляется географическая, что неизбежно влияет на характер связей и производимые эффекты.

Идеальный советский город: попытка конструирования утопии (на примере Москвы)

Молодое советское государство в 1920–1930-х годах старалось продемонстрировать свою мощь, потенциал и превосходство в самых разных сферах. Одним из плацдармов для экспериментов стали советские города, в частности их архитектура. Архитектурные утопии стали отражением советской идеологии. Образцовый социалистический город должен был продемонстрировать всему миру преимущества диктатуры пролетариата перед капиталистическим обществом.

Смена эпох и идеалов хорошо прослеживается на примере Москвы. Двадцатые–тридцатые годы XX столетия — время бурных архитектурных и градостроительных дискуссий, следствием чего стало принятие Генерального плана развития города лишь в 1935 году. Причем он устарел уже к моменту своего принятия, поскольку в нем не были учтены те изменения, которые должны были произойти вследствие начавшегося строительства метрополитена (станции московского метро, построенные в сталинскую эпоху, до сих пор являются популярной достопримечательностью у туристов; на их дизайн не поспешили, так как все новые строительные объекты должны были отражать мощь советского государства и его превосходство над капиталистическими странами). Генеральный план 1935 года предполагал превращение Москвы в современный город с широкими проспектами и красивыми домами. В довоенный период реконструкция города осуществлялась в духе сталинского классицизма, в послевоенный — сталинского ампира. Амбиции страны, ставшей одним из победителей во Второй мировой войне, среди архитектурных решений наиболее ярко были воплощены в так называемых высотках.

Приход к власти нового политического лидера — Н. С. Хрущева — открывает новую страницу в развитии Москвы. Н. С. Хрущев вместо продолжения строительства образцово-показательного города, бережно формируемого И. В. Сталиным, начинает борьбу с архитектурными излишествами ради решения жилищных проблем. Тем самым создается новый миф, с социальными последствиями которого придется бороться до сих пор: миф о возможности обеспечения всего населения страны жильем в кратчайшие сроки. Следствием его реализации стало строительство огромного количества дешевых домов с малогабаритными квартирами. Индустриальные дома первого поколения, которые в нашей стране

Вершинина Инна

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

больше известны как «хрущевки», не отвечают современным строительным нормам и рассматриваются как одна из разновидностей трущоб [Slums of the World: The face of urban poverty in the new millennium? Nairobi: UN-HABITAT, 2003. P. 71]. Идеального города не получилось, наоборот, были заложены предпосылки для многих социальных проблем.

К сожалению, такова судьба многих проектов, которые изначально, на бумаге выглядят безупречными. Но реализация, как правило, оказывается намного скромнее замысла, зачастую из-за ограниченности имеющихся ресурсов. Но многие проекты дают надежду на лучшее будущее тем, кто их воплощает, и тем, кто их реализации ждет. По словам М. Фуко, в этом и заключается функция утопий: «Утопии утешают: ибо, не имея реального места, они, тем не менее, расцветают на чудесном и ровном пространстве; они распахивают перед нами города с широкими проспектами, хорошо возделанные сады, страны благополучия, хотя пути к ним существуют только в фантазии» [Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 30–31]. В реальности же мы получаем гетеротопии, которые тревожат, создают путаницу, разрушают сложившийся порядок и порождают социальные проблемы. Но облик большинства городов определяется теми утопиями, которые пытались в них сконструировать. Большинство городов хранит память о тех идеях, которые были в них популярны. И постсоветские города не являются исключением.

Социальные практики питания в мегаполисе: сравнительный анализ Нью-Йорка, Пекина и Санкт-Петербурга

Социология питания занимается исследованием общественных отношений в процессе производства, распределения, обмена и потребления продуктов питания. Ограничить ее только лишь собственно потреблением пищи было бы неправильным и неполным. Потребление еды нельзя оторвать от ее приготовления, а приготовление пищи — от производства продуктов питания. А между ними, как правило, стоит обмен (торговля) или распределение.

В рамках социологии питания сформировались следующие методологические направления исследования: позитивизм — самый явный его представитель П. Сорокин; функционализм — Одри Ричардс; структурализм — К. Леви-Стросс, Р. Барт, М. Дуглас; материализм — Дж. Гуди; генетический структурализм — П. Бурдьё

Современная система питания выносит процесс потребления пищи из частного дома в публичное пространство. Социальное и экономическое пространство города — это пространство питания. Как организовано общественное питание в мегаполисе? В чем отличие разных культур и социально-экономических систем питания в разных городах? Это основные вопросы данного исследования.

Общее в социальных практиках питания в мегаполисах в том, что питание все больше покидает домашнюю сферу и становится публичной практикой. В этом отношении Петербург наиболее «домашний» город, житель «Большого яблока» обязательно идет завтракать и обедать в ресторан или закусочную. В Китае везде, а в Пекине в самой большой степени, общественное питание на недостижимой высоте, такого разнообразия продуктов и стилей, гастрономических изысков не встретишь нигде.

В экономическом плане Нью-Йорк дороже всех (все-таки самый дорогой город в мире); затем Петербург — питание вне дома престижно, за это надо доплачивать; дешевле всего в Пекине, и это при головокружительной цене жилья, гостиниц и прочего.

Культура питания и гастрономия, собственные бренды лучше всего представлены в Пекине (есть определенная, всеми различаемая пекинская кухня, в отличие от

Веселов Юрий

Санкт-Петербургский государственный университет

сычуанской, шанхайской и прочих), при этом брендом является «утка по-пекински»; Нью-Йорк не так специфичен, но имеет свои собственные блюда — бейглы, хот-доги (изобретены на Кони-Айленд в 1916 году), но стиль Нью-Йорка — фьюжн, сплав всех культур питания — там аутентичные китайские рестораны, японские, итальянские, мексиканские; в Петербурге нет своей культуры кухни, он стремится к внешним заимствованиям (например, японские рестораны без японских поваров; итальянская кухня без итальянцев и т. д.), так что ему бы стоило внимательнее формировать свою гастрономическую специфику.

Сервисный сектор крупнейших российских городов: мифы и реалии

Сервисный сектор в России развивается быстрыми темпами, особенно в крупнейших городах, что приводит к заметной трансформации экономической структуры российских мегаполисов.

Исследования, посвященные тертиаризации городской экономики, подчеркивают значимость сервисных видов деятельности для становления и развития самозанятости, малого бизнеса; повышения использования экономического потенциала территории, формирования культурной и креативной экономики; повышения качества жизни в городе; создания диверсифицированного пула рабочих мест, в том числе пригодных и для неполной занятости; снижения зависимости экономики города от промышленных циклов [Beyers W. 1991, 1996; Green L., Howells J., Miles I., 2001; Howells J., 2004; Maroto-Sánchez A., 2010; Miles I., 1995; Pratt A. C., 2009, и др.].

Некоторые исследователи считают, что перераспределение занятости из промышленности в сферу услуг не является устойчивым в долгосрочной перспективе, поскольку многие виды сервисной деятельности напрямую зависят от промышленного производства. Однако развитие многих современных и высокотехнологичных видов сервисной деятельности опровергает эту зависимость.

Можно выделить несколько этапов развития сервисного сектора в крупнейших российских городах в постсоветский период. В том числе компенсационный, когда сервисные виды деятельности возникали и развивались для компенсации гипертрофированной промышленной структуры крупнейших городов, а также в силу перераспределения занятости между секторами экономики. На первом этапе один из мифов развития сервисной экономики заключался в том, что его влияние на городское развитие существенно переоценивалось.

Современный этап развития сервисного сектора в крупнейших российских городах характеризуется рядом тенденций, важнейшие из которых, с одной стороны — диверсификация и усложнение структуры сервисного сектора, возникновение креативных видов деятельности, с другой — замещение рабочих мест в «нижних» секторах сервисной экономики многочисленными мигрантами. Это приводит к усилению неоднородности сервисного сектора и усложнению его структуры, что подтверждается данными о размере средней начисленной заработной платы

Власова Наталья

Уральский
государственный
экономический
университет

в различных видах сервисной деятельности. В частности, можно выделить четвертичный сектор, включающий быстро развивающиеся услуги для бизнеса (финансовые, страховые, юридические, консалтинговые, услуги по передаче и технической обработке информации, рекламные и другие подобные виды услуг).

Интересно проследить развитие сервисных видов деятельности в связке с имеющимся промышленным потенциалом крупнейших российских городов: и развитие дополняющих видов деятельности при работающих промышленных предприятиях, и в контексте использования существующего индустриального наследия и создания соответствующей инфраструктуры туристской, выставочной и культурной деятельности.

Пространственные внешние эффекты и распределение властных полномочий в мегаполисе

Теория внешних эффектов, хорошо известная в отраслевой экономике, получив пространственное измерение, как нельзя лучше подходит для анализа эффективности распределения властных полномочий и полномочий в области предоставления локальных общественных благ на урбанизированных территориях.

Основой пространственных внешних эффектов выступает высокая территориальная концентрация экономической деятельности в крупных городах и, как следствие, разрыв (или несовпадение) экономических и административных границ муниципальных образований мегаполиса. В результате выгоды от предоставления локальных общественных благ получают не только жители данного муниципального образования, но и жители соседних территорий, что размывает границы ответственности местных администраций, искажает мотивацию их работы и приводит к неоптимальной структуре предлагаемых публичных услуг. Локальное общественное благо с позитивными пространственными внешними эффектами будет предлагаться в меньшем объеме по сравнению с тем, который вытекает из предпочтений граждан.

Как данная проблема может быть решена в крупном мегаполисе. Существует три основных пути. Первый – это межмуниципальное сотрудничество и совместное финансирование локальных общественных благ с позитивными внешними эффектами. Однако этот путь влечет за собой существенные трудности и издержки согласования интересов местных администраций. Второй путь – это реформа административно-территориального деления (с тем чтобы административные и экономические границы территорий совпали). Но и здесь возникает очевидная проблема – никто не даст гарантий, что через некоторое время пространственные внешние эффекты не изменят свои масштабы и структуру и не выйдут за пределы новых административных границ. Наконец, третий путь – это централизация полномочий по предоставлению отдельных публичных услуг в руках администрации мегаполиса. Решение также неочевидное с точки зрения эффективности, поскольку локальные общественные блага имеют неоднородную структуру и разный ареал распространения. В общем и целом, спрос на такие блага ослабевает с ростом расстояния, но этот спрос носит субъективный характер, свою зону обслу-

**Воробьев
Андрей**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

живания и время доступности (время, которое потребитель готов затратить за возможность доступа к данной услуге).

Рассмотрим, как описанная проблема решается в Санкт-Петербурге на примере общего среднего образования. С момента формирования новой региональной структуры РФ, Санкт-Петербург и Москва получили особый статус субъектов РФ – городов федерального значения. Это означает, что многие функции, которые в других субъектах относятся к ведению местных органов власти, здесь сосредотачиваются в руках администрации города как субъекта федерации. Во многом, такое положение объясняется наличием существенных пространственных внешних эффектов при выполнении данных функций. Не является исключением и общее среднее образование. Данная функция вытекает из полномочий Администрации города и ее территориальных подразделений – администраций районов. Таким образом, рассматриваемые полномочия централизуются на уровне властей субъекта федерации. Как мы показывали ранее, централизация в значительной степени противоречит формированию эффективных зон обслуживания локальными общественными благами. В советские времена предоставление услуг школьного образования обеспечивалось на основе территориального принципа (за редкими исключениями). Это означало, что в данную школу могли пойти дети только с закрепленных близлежащих территорий. Затем от этого принципа в столь жесткой форме отказались, но с 2016 года он возвращается вновь. Представляется, что это не вполне оправданное решение как с экономической, так и с организационной точек зрения. Эффективная реализация этого принципа требует, как минимум, двух вещей: децентрализацию полномочий в области школьного образования и их передачу на уровень местных органов власти, а также отсутствие пространственных внешних эффектов или наличие эффективных механизмов их интернализации. Во всяком случае, территориальный принцип следует дополнить специальными корректирующими механизмами, обеспечивающими формирование эффективных зон обслуживания на основе критерия времени доступности.

Репрезентация Венеции в кинофильмах: использование мифов о городах сервисной экономикой

В докладе представлен анализ стереотипов репрезентации Венеции, осуществленный на материале кинофильмов, основным местом действия которых является Венеция. Исследование показало: киноиндустрия активно приобщается к символическому богатству города, в том числе к сложившейся за долгое время его существования в европейской культуре городской мифологии. Кинофильмы используют несколько комплексов мифологем — представления о Венеции как городе судьбы, городе любви, городе смерти и городе авантурных приключений. На основе полученных результатов делается вывод, что транслируемые киноиндустрией образы города связаны с функционированием сервисной экономики, «экономики впечатлений» и «экономики желаний». Для обслуживания интересов разных групп потенциальных потребителей и охвата широкой аудитории задействованы отличающиеся друг от друга мифологемы, а рекламируемый символический продукт (впечатления, пейзажи, зрелища, развлечения, информация, услуги и т. п.) характеризуется многослойностью. Особое внимание привлекает тот факт, что киноиндустрия содействует формированию и поддержанию имиджа Венеции как города, предлагающего потребителям не только приятное времяпрепровождение или престижный образ жизни, но также экзистенциальный опыт, позиционирует город в качестве места, способного сыграть значимую роль в жизни любого человека. Иными словами, Венеция в кинопродукции оказывается не только красивым, необычным, интересным городом, укорененным в европейской истории, — сервисная экономика претендует на то, чтобы показать ее местом, обещающим судьбоносные перемены, причем не обязательно перемены к лучшему (город любви в киноматериале легко оборачивается городом смерти, город удачи — городом злого рока). Таким образом, потенциальных гостей Венеции соблазняют игрой на свою жизнь, суля им нечто большее, нежели обычная туристическая поездка. Это должно выделять Венецию среди других популярных туристических городов, способствовать повышению привлекательности ее продуктов и повышать ставки в жесткой конкурентной борьбе.

**Воробьева
Мария**

Уральский
государственный
экономический
университет

Государственная политика урбанистического пространства: риторика и реальность (на примере проекта Новая Москва)

Гавриленко Ольга

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

Становление и существование современных государств всегда сопровождается обширными проектами административной, экономической и культурной унификации и стандартизации, предполагающими реализацию особых стратегий планирования и реорганизации пространства. Столицы, как центры политической власти и места максимальной концентрации материальных, культурных, человеческих, символических ресурсов, являются привилегированным «объектом» государственных управленческих стратегий (и вписанных в них эпистемологических и риторических процедур). Новая Москва — последний по времени столичный градостроительный проект, породивший множество дискуссий и вопросов. Вопросы эти вызывались как поспешностью принятия столь масштабного проекта без детализации его содержания и этапов, так и явным рассогласованием декларируемых государством целей и практической реализацией данного проекта. Объявленное в 2012 году расширение территории Москвы за счет присоединения территорий на юго-западе области вызвало неоднозначную реакцию экспертного сообщества и общества в целом (присоединение столь обширной территории к Москве естественно произошло за счет отсоединения этой же территории от Московской области, нарушив прежние границы нескольких районов Подмосковья, устоявшуюся инфраструктуру, лишив эти районы значительной части доходов, налоговых поступлений, создав проблему разделения полномочий и зон ответственности). До сих пор нет понимания того, зачем это было сделано, в интересах кого, кто будет жить и работать в Новой Москве, отсутствует стратегическое видение развития территории (Генплан новой территории планируется принять только в 2016 году). Проект Новая Москва предполагает резкое увеличение численности населения (с 225 тысяч человек в 2012 до 1,5 миллионов в 2035 году), рост числа рабочих мест (с нескольких десятков тысяч до миллиона), строительство ста миллионов квадратных метров объектов недвижимости [Отчет KB STRELKA Анализ текущего состояния Новой Москвы, декабрь 2014 г. [Электронный ресурс] mosurbanforum.ru/files/pdf/analiticheskie_obzory/14051_report_new_moscow_29_12_01.pdf]. Не совсем понятно, как добиться заявленного увеличения количества рабочих мест (более чем в десять раз), что это будут за рабочие места и в каких сферах (промышленность, строительство, сфера услуг и других), смогут ли привлеченные на данную территорию работники купить здесь же себе жилье. Новая территория развива-

ется через застройку массовым жильем и торговыми центрами, в то время как перед присоединением власти уверяли в необходимости сохранения экологии, лесных массивов и допустимости лишь малоэтажного строительства. Основная заявленная цель расширения Москвы заключалась в отказе от моноцентричности и переходе к полицентричности (реализация принципа «где живешь, там и работаешь») и решении проблем транспортной перегруженности столицы. Если будет сделан акцент на массовом жилищном строительстве без создания рабочих мест, то транспортная или иные проблемы только усугубятся. Районы массового дешевого жилья в Новой Москве без привлечения на новую территорию так называемого креативного класса превратятся в стандартную московскую периферию, депрессивную зону со всеми сопутствующими проблемами.

Соответственно, возникает вопрос: не является ли видимая невнятность государственной риторики, связанной с проектом Новая Москва, лишь прикрытием того банального факта, что проект задумывался и реализуется прежде всего в экономических интересах крупных экономических игроков и инвесторов?

Фокус социально-экономических проблем города в энцикликах XIX («Rerum Novarum») и XXI («Laudato si'») веков

**Голубев
Константин**

Белорусский
государственный
экономический
университет

Интересно провести ряд аналогий и рассмотреть изменения в фокусе социально-экономических проблем города, к которым обращались Папа Римский Лев XIII в энциклике Rerum Novarum (1891), положившей начало современному социальному учению Римско-Католической Церкви, и Папа Франциск в последней социальной энциклике Laudato si' (2015).

Папа Римский Лев XIII обратил внимание на проблемы капитализма и отметил, что после упразднения цехов трудящиеся оказались не защищены от действий собственников, ростовщичества и жестокости конкуренции. Таким образом, в промышленных центрах сложилась ситуация, когда положение множества бедных трудящихся и отношение к ним со стороны богатых Rerum Novarum характеризует, как немногим лучше, чем ситуацию рабства. В качестве существенной опасности Папа Римский Лев XIII (задолго до 1917 года) указывал на возникновение деятелей, провоцирующих трудящихся на беспорядки и провозглашающих необходимость отмены частной собственности. Он подчеркивал особое значение Церкви как учителя и института, который призван показать любовь к ближнему и помочь в совершенствовании жизни рабочих.

Папа Франциск (уже после краха социалистической системы) указал на такую проблему современности, как обожествление рынка, который не может быть гарантией интегрального развития человека. Он отмечает, что в результате современного пути развития многие города являются огромными неэффективными структурами, которые в избытке поглощают дефицитные воду и энергию. Laudato si' обращается к необходимости в настоящее время ориентироваться на идеи «интегральной экологии», включающей человеческие и социальные измерения (в том числе вопросы окружающей среды, экономики, социальной сферы, культуры, повседневной жизни, борьбы с бедностью).

Характеристика жизненного уровня населения российских мегаполисов в контексте экономической безопасности

Специалисты отмечают огромную региональную дифференциацию по социально-экономическому положению и уровню жизни в России, что может представлять угрозу экономической безопасности страны и социальной стабильности.

Валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности) Российской Федерации в 2012 году составлял 14 461 доллар США. Это пятьдесят пятое место в мире. Учитывая то обстоятельство, что самые густонаселенные страны, в которых проживает почти половина населения мира, в рейтинге по этому показателю находятся на гораздо более низких позициях, можно предположить — по этому критерию пороговое значение в РФ достигнуто.

Валовой региональный продукт на душу населения (по паритету покупательной способности в долларах США) в городе Москва почти в два раза выше, чем в среднем в Российской Федерации, в городе Санкт-Петербург показатель больше среднероссийского на 28%.

Удельный вес численности населения РФ с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, как следствие глобального экономического кризиса, увеличился. В обеих столицах России он был и остается ниже среднероссийского показателя, но заметно выше порогового значения.

Показатель продолжительности жизни в Российской Федерации превысил пороговое значение в 2012 году, к 2014 году увеличился до 70,9 года. Несмотря на экологические проблемы, вызванные концентрацией в мегаполисах населения и хозяйствующих субъектов, продолжительность жизни в Москве и Санкт-Петербурге выше.

Сохраняется огромный разрыв в доходах населения внутри регионов.

В Российской Федерации в 2014 году соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами составляло 16 раз. В столицах подоходная дифференциация населения более сильная.

Экономическая безопасность зависит и от криминогенной ситуации, которая в России в последние годы существенно улучшилась. Число зарегистрированных

**Градусова
Валентина**

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

преступлений за 2005–2014 годы сократилось в 1,6 раза до 2190,6 тысяч случаев. Во всех российских регионах число зарегистрированных преступлений в расчете на сто тысяч человек меньше порогового значения.

Безработица в России ниже порогового значения. Ситуация на рынке труда столичных мегаполисов традиционно лучше.

Таким образом, города Москва и Санкт-Петербург — относительно благополучные регионы, где все социально-экономические индикаторы экономической безопасности, за исключением показателей доходной дифференциации, лучше.

Сценарии политизации в биографиях городских активистов — участников муниципальных выборов города Санкт-Петербурга 14 сентября 2014 года

Исследование посвящено изучению механизмов политизации оппозиционных участников муниципальных выборов в Санкт-Петербурге, произошедших в сентябре 2014 года. Актуальность исследования связана с политическим контекстом краткосрочного подъема городских низовых инициатив в контексте электорального цикла. Изучаемый период с 2011 по 2015 год отмечен активизацией продвижения муниципальных градостроительных инициатив. Исследование опирается на теории политизации, получившие развитие в рамках социологии общественных движений. Сформулирован исследовательский вопрос: какова связь между биографическими фактами и траекториями развития политических взглядов в сторону оппозиционных? В ходе эмпирического исследования было собрано одиннадцать биографических и полуструктурированных интервью с двумя категориями информантов, это 1) кандидаты в депутаты на муниципальных выборах — независимые кандидаты и городские низовые активисты — в Санкт-Петербурге в 2014 году, 2) участники процесса наблюдения за выборами.

Исследование носит эксплоративный характер. Информанты были отобраны по принципу «снежного кома». При анализе интервью исследование опирается на методику сопоставления биограммы и секвенциональный анализ транскрипта. Гипотезы сформулированы на основе различных исследований политизации участников общественных движений. Материалы, собранные в ходе исследования, представляют собой иллюстрацию сформулированных авторами исследований политической социализации представлений о механизмах политизации на примере биографического пути участников муниципальных выборов. В результате исследования выделены четыре механизма политизации городских активистов: семейная, образовательная, институциональная и протестная (реакционная) политизация; анализируется влияние всех четырех типов на сценарии развития городского активизма.

Григорьева Анна

Санкт-Петербургский государственный университет

Развитие электронных государственных услуг в мегаполисе

Гуляева Валерия

Российский
государственный
педагогический
университет
им. А. И. Герцена

За последние годы в России проделана обширная работа в области создания инфраструктуры электронного правительства и популяризации электронных государственных и муниципальных услуг среди населения. Электронные государственные услуги можно рассматривать как услуги, оказанные на основе современных информационно-коммуникационных технологий, и как новый более результативный способ взаимодействия государства, бизнеса и общества.

Развитие подобных систем создает явные преимущества для всех участников: облегчение процедур, связанных с производством, торговлей, минимизация документооборота, снижение уровня коррупции, снижение стоимости предоставления услуги за счет автоматизации, повышение эффективности государственного управления, повышение качества жизни граждан и прочее.

Многие исследователи отмечают, что совершенствование механизмов предоставления государственных услуг способствует повышению уровня доверия к власти за счет обеспечения открытости и прозрачности деятельности государственной власти. Как потребители граждане, в том числе представители бизнеса, заинтересованы прежде всего в простоте и своевременности получения качественных государственных электронных услуг и информации.

Цель данного исследования — проанализировать на примере нескольких европейских мегаполисов систему предоставления электронных государственных услуг. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: обозначить факторы, имеющие наибольшее значение для формирования системы предоставления государственных услуг в мегаполисах, сравнить качество предоставления государственных электронных услуг в мегаполисах Европы, определить особенности формирования системы предоставления государственных электронных услуг в Санкт-Петербурге.

Методологической базой для достижения поставленных целей выступают системный подход и статистические методы анализа.

Результаты. На формирование системы предоставления государственных услуг оказывает влияние целый ряд факторов, в том числе заинтересованность бизне-

са и государственных структур города в инвестировании в научно-исследовательские проекты; развитие информационной культуры и уровень информационной безопасности в регионе; подбор технологических решений исходя из особенностей города; демографические и социально-экономические особенности города, определяющие востребованность тех или иных услуг у населения (бизнеса) и прочие.

Автором также проведено сравнение качества предоставления электронных государственных услуг в некоторых европейских мегаполисах: проведен анализ официальных порталов электронных государственных услуг городов и составлен рейтинг.

Особенностями формирования системы предоставления государственных электронных услуг в Санкт-Петербурге по сравнению с другими европейскими городами являются: 1) сравнительно недавнее развитие электронных сервисов по предоставлению электронных услуг и сети многофункциональных центров; 2) приграничное положение Северо-Западного региона: реализация крупных партнерских проектов, направленных на развитие государственных электронных услуг, с привлечением иностранных компаний; 3) влияние субъективных факторов на выбор данного способа получения услуг; 4) демографический состав населения; 5) все еще активно совершенствующееся законодательство в этой области (например, Постановление от 9 октября 2015 года №1078 «О внесении изменений в Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг», отражающее комплексный подход к вопросу популяризации услуг).

Достаточно востребованными в России стали услуги, предоставляемые многофункциональными центрами. Москва, например, вошла в число мировых лидеров по работе центров оказания государственных и муниципальных услуг по материалам исследования PwC «Сравнительный анализ центров предоставления государственных и муниципальных услуг».

Исключенные третьи: городские маргиналы как отсутствующее звено экономики культурных институций города

Гусев Дмитрий

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе предлагается пересмотреть традиционную модель анализа деятельности и эффективности культурной экономики города с точки зрения включения в нее нового агента, игнорируемого в силу своего неопределенного социального статуса. Таким агентом выступает городской маргинал (неимущие группы, бездомные, бывшие заключенные, люди с инвалидностью и т. д.). Данный субъект вытеснен из пространства социальной стратификации [Gore Ch., 1995] и тем самым теряет возможность быть «замеченным» в контакте с культурными институциями (музеями, библиотеками, театрами и т. п.).

В исследовании выделяется несколько структурных препятствий, блокирующих «вхождение» представителя маргинального (маргинализованного) субъекта в культурную экономику. Во-первых, культурная экономика города описывается, как правило, в терминах динамической модели, в которой значимым является только явное поведение агентов. Результатом становится формирование специфического дискурса «активного горожанина», который мультиплицирует экономические эффекты существующих в городе культурных площадок, институций и инициатив. Ключевыми показателями культурной институции города становятся посещаемость, бюджет, развитие и рост. В данной оптике исключаются и любой субъект, не имеющий фактического способа включения в культурные практики (приобретение билета, физическое посещение), и сама возможность рассмотрения такого субъекта в качестве экономического агента (отсутствует контакт с институцией). Во-вторых, игнорирование «темной стороны культуры» [Throsby D., 2001], которое подразумевает вытеснение из сферы учета и анализа сомнительных в плане своего статуса или неочевидных в моральном плане типов культуры и их носителей (например, заключенные или люди с расстройствами психики и т. п.). То есть отказ от признания ряда маргинальных субъектов в качестве потенциальных и/или реальных участников интеракций с «высокой», «элитарной культурой». С этим связан дефицит инклюзивных программ в городских музеях, библиотеках, театрах и в целом скрытое негативное отношение к подобным группам («зачем они к нам приходят?» или «они распугают посетителей») и т. д.).

В заключение предлагается переосмысление значения маргинальных групп для культурной среды города и ее экономики. В качестве предпосылок рассматри-

ваются несколько подходов, которые позволяют включить маргинальные группы в экономику культурных институций города, в частности идеология Open Culture Economics [American Alliance of Museums/TrendsWatch, 2015] и исследования Всемирного банка, демонстрирующие, каким образом открытая культура позволяет укреплять социальный капитал и обеспечивает устойчивое развитие культурных институций [World Bank/World Development Report, 2015].

Авторское право и создание творческого продукта на рынке исполнительского искусства

**Денисевич
Антонина**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Современные рыночные тенденции требуют поиска решений практических вопросов в ценностной и правовой сфере рынков искусства. Возрастающее понимание творческого продукта в качестве актива, стремление к охране инвестиций и снижение стимулов к созданию творческого продукта (первоначальной функции авторского права) остро ставят вопрос о правах собственности на творческий результат и перераспределении денежных потоков в цепочке «автор-посредник-потребитель». Решение, каким образом справедливо перераспределить права собственности на творческие результаты и финансовые потоки на их использование с учётом понятия ценности культурного блага затрагивает поиск ответа на фундаментальный вопрос о том, в какой степени культурную ценность можно охватить в терминах экономической ценности.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. №2395-р «Концепция развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года» сделан акцент на обеспечение высокого уровня репертуарно-исполнительского предложения, что предполагает увеличение количества сочинений современных авторов. Поддержка творчества современных композиторов предусматривает пересмотр подходов к установлению ставок вознаграждения за исполнение сочинений современных авторов, порядку его сбора, распределению и выплатам; защиту интересов авторов; переход к системе государственных заказов на новые произведения взамен системе государственных закупок.

Практическая реализация поставленных задач затруднена в силу текущего состояния сектора современной академической музыки рынка исполнительского искусства России: низкие стимулы к созданию творческого продукта в секторе современной академической музыки; система сбора и перераспределения выплат авторам обществами по управлению коллективными правами; установление и порядок оспаривания размеров выплат авторам. В силу институциональных особенностей России в части правовой культуры и принципов финансирования искусства текущие проблемы в секторе на практике отражаются в вынужденном ограничении исполнения современной академической музыки, особенно зарубежной, с целью избежать дополнительных выплат по авторским правам.

С помощью институционального анализа, ценностного анализа и экономико-правового анализа предполагается раскрыть несколько вопросов:

- ценность в культурном и экономическом контексте,
- каким образом проблемы прав собственности в области искусства отражаются на процессе ценообразования и финансовых потоках;
- разработка альтернативной системы вознаграждений авторов с целью создания стимулов к созданию творческого продукта и поддержания творческой личности.

Особенности культурной экономики мостовых в больших городах

Димке Дарья

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Московская Высшая школа социальных и экономических наук

Мостовые в большинстве современных городов уже не являются самым популярным городским покрытием, как это было в XIX веке. Более того, сама материальность мостовых не позволяет быструю и комфортную транспортировку не только автомобилей и грузового транспорта, но и затрудняет использование детских и инвалидных колясок, перемещение пожилых людей, использование некоторых видов обуви (например, на высоком каблуке). Также хождение по мостовым требует определенного типа мобильности (неспешные прогулки) и особых практик (например, осмотр достопримечательностей, фотографирование, спокойный разговор). Несмотря на то, что мостовые ограничивают многие виды мобильности и неудобны для целых слоев населения, они остаются в городах как символы прошлого, места памяти, объекты, с которыми связаны идентичность и история города. Часто они становятся объектами туризма, вокруг которых разрастаются коммерческие инфраструктуры (магазины сувениров, продажа экскурсионных программ, кофейни, бутики, третьи места).

Руденко Николай

Европейский университет в Санкт-Петербурге

В предлагаемом докладе на примерах таких городов, как Одесса, Львов, Прага, Лондон, Белград, мы попытаемся взглянуть на мостовые более внимательно, чтобы обнаружить, как материальность мостовой и вызываемые ею формы мобильности способствуют созданию отдельной культурной экономики, связанной с производством и потреблением исторических и культурных достопримечательностей.

Пути решения проблемы бедности в российских мегаполисах

В условиях глобализации мегаполисы являются центрами кризисных явлений в социальной сфере, когда на одном территориальном пространстве соприкасаются богатые и бедные слои населения и возникает синергия противоречий, выливаясь в массовые асоциальные явления во всех сферах общественной жизни, включая рост преступности и социального напряжения.

Амортизировать объективные противоречия между богатыми и бедными в мегаполисах необходимо новыми инструментами государственной социальной политики, адекватными масштабностью и эффективностью возникающим вызовам.

Одной из самых чувствительных сфер социальной напряженности является проблема доступности продовольствия в соответствии с утвержденными медицинскими нормами для двадцати двух миллионов беднейших слоев населения.

Президентом и Правительством РФ утверждены Доктрина продовольственной безопасности, Концепция внутренней продовольственной помощи, план ее реализации, но на практике ситуация с доступностью продовольствия для бедных слоев населения в условиях кризиса только усугубляется. Зарубежный опыт наглядно демонстрирует, что главной причиной торможения в этом вопросе является отсутствие системы управления национальным проектом по организации продовольственной помощи бедным слоям населения.

Новая система управления организацией продовольственной помощи включает в себя важнейшие элементы построения модели государственного регулирования социальной сферы в области борьбы с бедностью, в том числе законодательное, организационное и финансовое ее сопровождение.

Важное место в построении этой системы занимают не только социальные службы, но и привлечение в рамках идеологии национальной солидарности бизнес-сообществ мегаполисов.

Этот подход является оправданным и прагматичным для бизнеса, так как бедность в мегаполисах наносит большой урон не только формированию комфортной среды обитания для населения со средними и большими доходами, но и для развития бизнес-среды как в части ее безопасности, так и в части падения спроса

**Добросоцкий
Виктор**

Московский
государственный
институт
международных
отношений

на товары и услуги. В этой связи представляется обоснованным наравне с инструментами государственного регулирования включить в программу продовольственной помощи механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП). Одним из таких механизмов может стать Общенациональное движение по борьбе с бедностью, целью которого является предоставление возможности каждому желающему через удобную сервисную модель стать благотворителем этого социального проекта.

Продовольственная помощь не является затратным механизмом для государства, а скорее напротив, представляет собой один из самых эффективных антикризисных механизмов экономической политики. Зарубежный опыт показывает, что на один вложенный государством рубль в продовольственную помощь экономика страны через включение локомотива дополнительного спроса на продовольствие получает рост 1,84 рубля. Учитывая включение в финансирование программы инструментов ГЧП, эффект роста экономики прогнозируется значительно выше.

Город: экономика растущего одиночества

Урбанизация исторически подразумевает целый спектр социальных трансформаций, следствия которых до сих пор неочевидны. Одним из таких следствий является попытка максимально элиминировать субъективное, личностное начало. Данный процесс не зависит от воли отдельных людей, его можно считать естественным в той же степени, насколько естественным является действие невидимой руки рынка. Он определяется тем, что города, объединяющие сходным образом жизни миллионы людей, не могут зависеть от субъективных факторов. Это относится как к инфраструктуре, так и к способам взаимодействия. В результате происходит так, что город, развивающийся на растущем разделении труда и в силу этого подаривший людям новые степени свободы, и благодаря этому создавший колоссальные возможности личностной самореализации, начинает работать в обратном направлении. В этом обратном процессе первую скрипку играет экономика. Именно она создает иллюзию объективности происходящего, прячась за пресловутой невидимой рукой рынка и скрывая работу инфраструктур, обеспечивающих выживание горожан. Фактически получается, что живущие в городе, не осознавая этого, уподобляются рабочим, функционирующим на все более сужающихся участках растущего конвейера. Это относится практически ко всем без исключения профессиям, включая те, которые раньше считались свободными. На экономическую основу накладывается ряд процессов, которые, в свою очередь, оказывают на нее свое обратное действие. Город изменил семейные отношения, разрушив патриархальную семью и дав возможность жить индивидуально, вне общины. Устойчивые длительные связи, которые требовали серьезных усилий для своего построения и поддержания, заменяются все более кратковременными и малообязывающими, зависящими вроде бы только от самого человека. Город поставил человека перед необходимостью ежеминутно отстаивать свою индивидуальность, но в то же время заставляет людей следовать стандартным образцам, включая ментальные. Оказавшись товаром на рынке труда, человек не только стал измеряться в денежных единицах, но и «благодаря» этому стал мыслить себя в системе экономических отношений даже в тех случаях, когда в этом нет непосредственной необходимости. Именно город создал ситуацию, в которой личные отношения, построенные на нормах этики, опосредуются отношениями юридиче-

Донских Олег

Новосибирский
государственный
университет
экономики
и управления

скими, построенными на нормах права. Наконец, вследствие неудержимого технологического прогресса горожанин оказывается заключенным в скорлупу индивидуальных средств коммуникации, которые уже зримо отделяют людей от личной коммуникации, переводя их отношения во взаимодействия опосредованные.

Потребление пива — элемент городской культуры. Некоторые экономические аспекты

В соответствии с Концепцией государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года Правительство РФ приняло ряд мер, направленных на ограничение потребления алкоголя в РФ, включая как ценовые меры (повышение акцизов), так и административные меры (ограничения на места и время продажи, запрет рекламы и т. д.) При этом, однако, крайне мало внимания уделяется сегментации рынка алкоголя между крепким алкоголем и напитками с меньшей долей содержания спирта, в частности пивом. В то же время значительная часть проблем, связанная с последствиями потребления алкоголя в РФ связана с преобладанием в нашей стране так называемой скандинавской модели потребления, в которой доминирует именно крепкий алкоголь.

Таким образом, одной из задач государственной политики, с нашей точки зрения, должно быть (не подвергая сомнениям установки на общее снижение потребления алкоголя) изменение структуры потребления, в частности сдвиг в потреблении от крепкого алкоголя к потреблению пива. К сожалению, ряд принятых в последние годы решений скорее консервируют сложившуюся структуру, не меняя ее, что имеет негативные последствия как для здоровья населения, так и для экономики страны. В предлагаемом докладе будут представлены результаты проведенных в Институте экономической политики исследований, посвященных оценке экономических последствий отдельных мер регулирования пивоваренной отрасли, а также возможные сценарии развития отрасли до 2020 года в отношении экономических эффектов и состояния здоровья нации в зависимости от выбранной государством политики регулирования отрасли.

**Дробышевский
Сергей**

Институт
экономической
политики
им. Е. Т. Гайдара

Проблемы пространственной структуры современных городов

**Дубянский
Александр**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Крупные города развиваются как агломерации путем экстенсивного расширения, поглощения пригородов и строительства городов-спутников. В случае такого «расползания» вширь крупных и крупнейших городов, эти мегаполисы лишаются зеленых зон для отдыха горожан и комфортных пригородных районов, в которых могли бы жить состоятельные горожане. Известный американский теоретик городского планирования Джейн Джекобс (Jane Jacobs) в своей работе «Смерть и жизнь больших американских городов» (1961), рассматривала проблему районирования крупных городов. Она отмечала, что городская округа (термин Дж. Джекобс), «приносит вред градостроительству, порождая попытки деформировать жизнь крупного города по образцу малых городов или пригородов» [Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011. С. 124]. Иначе говоря, обеспечивая микрорайоны необходимой социальной инфраструктурой (школами, детскими садами, поликлиниками, магазинами и прочим), городские власти разрывают «ткань» города, превращая его в малосвязанные между собой анклав.

В результате жители городских округ воспринимают их как самостоятельные города. В Санкт-Петербурге, например, в результате опроса старших школьников средних школ в микрорайоне Купчино о том, какая улица является главной в городе, более половины опрошенных ответили, что таковой является проспект Славы – центральная улица этого микрорайона. Все это было бы смешно, если бы не отражало отмеченных выше негативных процессов.

В современной России процессы расширения городов являются по сути стихийными и не учитывают возможных последствий такого развития событий. Инициаторы комплексного освоения территорий путем их застройки жилыми домами — крупные строительные компании. Для строительных фирм главной целью является получение сиюминутной прибыли от продажи жилой недвижимости. Будущее построенных ими жилых комплексов их не волнует. Естественно, что заниматься комплексным развитием, а не комплексным освоением городских территорий должны городские власти и органы местного самоуправления, исходя из общегосударственных и общегородских интересов.

К сожалению, существующие генеральные планы развития городов ситуацию не спасают, так как построены на устаревших принципах и являются, по сути, неким компромиссом, который должен устроить все заинтересованные стороны в городском строительстве. Представляется, что одним из возможных вариантов является переход от микрорайонного зонирования к квартальному. Именно такой подход позволит связать воедино «разваливающиеся» пространство современных городов.

Театральная индустрия и гражданское общество в Санкт-Петербурге

Заостровцев Андрей

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

Ширяева Ярослава

Институт
экономики и права
им. Фридриха
фон Хайек

В настоящее время доминирует мнение, что неформальные, не включенные напрямую в сферу государственного управления общественные организации стали появляться не ранее второй половины 1980-х годов. Однако следует упомянуть об одном исключении, это Санкт-Петербургское общество зрителей «Театрал», которое возникло еще при жизни И. Сталина — в 1950 году. У истоков его создания стояли известные ленинградские режиссеры Л. С. Вивьен и Н. П. Акимов, но инициатива исходила от самих любителей театрального искусства. Их стараниями при Ленинградском дворце искусств была создана зрительская секция, переросшая со временем в вышеназванное общество.

Сегодня общество — это тысяча сорок три члена, среди них — представители самых разных возрастов (от пятнадцати и старше восьмидесяти лет) и профессий. Оно проводит творческие встречи с артистами, организует просмотры и обсуждения самых интересных спектаклей. «Театралом» издается газета «Голос зрителя», на страницах которой его члены выступают в роли театральных критиков. Статьи размещаются и на сайте «Театрала» (spbteatral.ru).

Это общество — единственная общественная организация театралов в России. Режиссер Анджей Бубень указывает, что он работал во многих странах Европы, но нигде не встречал такого явления как «Театрал».

Члены общества уплачивают членские взносы, за счет которых поддерживается газета и проводятся разные мероприятия. В 2016 году взнос составил две тысячи рублей на год (две тысячи восемьсот рублей — для вновь вступающих). При этом ожидание в очереди на вступление в общество растягивается на период до пяти лет. Предпочтение при приеме отдается молодежи. За счет связей в театральном мире члены «Театрала» обеспечиваются льготными билетами на спектакли.

Общество разделено на сорок пять групп. В каждой группе есть свой «информатор», который еще несколько лет назад должен был обзванивать четыре-пять раз в месяц каждого из двадцати пяти человек своей группы. Теперь по электронной почте несколько человек рассылают информацию о спектаклях и событиях из жизни общества. Компьютерные сети значительно снизили транзакционные издержки функционирования объединения. Разослать письма по восьми сотням ад-

ресов электронной почты значительно проще, чем сделать столько же звонков (сейчас к «электронному оповещению» подключено 75% членов «Театрала»).

Общество играет большую роль в социализации граждан, не дает им выпасть из общественной жизни. Не секрет, что большинство его членов — пенсионеры. Благодаря «Театралу» они приобщились к современным электронным коммуникациям, поддерживают общение с широким кругом знакомых, постоянно посещают театральные представления, встречаются с актерами. Кульминацией общественной деятельности является ежегодное обсуждение и вручение «Приза зрительских симпатий» по нескольким номинациям.

Понятно, что существование такого общества уже в течение шестидесяти шести лет возможно исключительно в крупном мегаполисе с богатой театральной жизнью. Этот факт подчеркивает преимущества мегаполисов как проводников культуры и интеграторов социума на основе общих культурных ценностей.

Качество городской среды как фактор формирования трудового потенциала мегаполиса

Зарукина Елена

Институт проблем
региональной
экономики
Российской
академии наук,
Санкт-Петербург

Трудовой потенциал территории (в нашем случае — мегаполиса) целесообразно рассматривать как категорию, отражающую возможности использования трудовых ресурсов в их количественном и качественном аспектах в целях социально-экономического развития. При этом количественный аспект трудового потенциала определяется в первую очередь численностью трудоспособного населения, а также ресурсами рабочего времени, качественный — уровнями образования, квалификации, состоянием физического здоровья и нравственности, творческими способностями и активностью трудоспособного населения.

К основным группам факторов, формирующих трудовой потенциал мегаполиса, относятся: демографические, социально-экономические, политические, средовые (природно-климатические и инфраструктурные).

Рассматривая детально группу средовых факторов в мегаполисе, отметим, что речь идет о качестве городской среды, которая может существенно усиливать (или ослаблять) влияние факторов, отнесенных к другим группам. Так, высокий уровень качества городской среды будет способствовать повышению рождаемости, сохранению физического здоровья и трудоспособности жителей; город, обеспечивающий благоприятные условия для жизни и работы, наиболее привлекателен для высококвалифицированных специалистов («креативного класса»), рассматривающих возможности переезда из других регионов.

Среди основных компонент качества городской среды, подлежащих целенаправленному управленческому воздействию в контексте решения задач формирования трудового потенциала мегаполиса, можно выделить экологическую (состояние почвы, воздуха, водоемов), архитектурную (эстетика, удобство, практичность застройки), инфраструктурную (развитость, надежность инженерных и транспортных коммуникаций, уровень благоустройства), коммунально-сервисную (уровень обслуживания и содержания городских объектов и территорий). Хотелось бы также обратить особое внимание и на такой фактор, как возможности мегаполиса по формированию инновационных сегментов рынка труда, в частности в сфере коммунально-сервисной деятельности. Новые виды профессиональной деятельности и профессиональные стандарты, генерируемые в мегаполисе, могут оказать су-

ществительное влияние на формирование трудового потенциала как самого мегаполиса, так и других регионов страны.

Содержательная интерпретация тенденций развития новых профессий дана экспертами Агентства стратегических инициатив (АСИ) и Московской школы управления «Сколково», обосновавших группы профессий, которые будут актуальны в среднесрочной и долгосрочной перспективах в различных отраслях российской экономики, а также группы профессий, устаревающих и уходящих в прошлое [Атлас новых профессий. М., 2014 [Электронный ресурс] www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf].

Представляется, что мегаполис, благодаря высокой степени концентрации ресурсов и идей, может формировать и новые критерии качества городской среды, и соответствующую им структуру видов экономической деятельности и профессий, и «социальный заказ» системе образования. Так, разработке и внедрению экологических практик в сфере городского хозяйства могут способствовать специалисты-профессионалы: урбанист-эколог, рециклинг-технолог, экоаудитор, парковый эколог, архитектор энергопассивных зданий и другие.

Таким образом, инновационная интерпретация критериев качества городской среды и методов их обеспечения, позволяет не только сформировать благоприятные условия для проживания в мегаполисе, но и модернизировать сферу труда, что способствует повышению эффективности формирования и использования трудового потенциала.

Город для профессионального сообщества: как ИТ-специалисты конструируют места технонауки

**Земнухова
Лилия**

Социологический
институт
Российской
академии наук

Сивков Денис

Волгоградский
филиал
Российской
академии
народного
хозяйства
и государственной
службы

В исследованиях науки и технологий (STS) универсальность знания ставится под вопрос, поскольку в фокусе внимания оказываются топологические особенности научно-технического производства. Антропологи, социологи и историки делают акцент на локальном характере производства научных фактов и технических артефактов в зависимости от множества материальных, географических и социальных факторов. Важной составляющей научно-технического производства является работа по «ретушированию локальностей», то есть предпринимаются дополнительные усилия и комплекс мероприятий, которые делают факты и артефакты универсальными, а процесс производства продукта — скоординированным с учетом распределенной сети производителей.

Физическое место производства играет особенную роль в тех сферах производства, где акцент делается на виртуальном пространстве коммуникации, на возможностях удаленного доступа, как например, в сфере информационных технологий (ИТ). При этом ИТ-компании инвестируют значительные средства в разработку физического пространства и рабочих мест. Каким образом запланированные рабочие пространства и материальная инфраструктура влияют на процесс научно-технического производства? Как переопределяется пространство в офисах ИТ-компаний, несмотря на интенсивное виртуальное присутствие и коммуникацию? Как используются разные пространства в процессе производства «универсальных» ИТ-продуктов?

Для ответов на эти вопросы предполагается обсудить несколько теоретических решений: фуколдианскую перспективу упорядочения и функционального разделения множеств, латурианскую перспективу организации социального с помощью материальных объектов, а также идею о моделировании производственного процесса с помощью ограниченного места и концепцию аффективных атмосфер, способствующих интеллектуальному обмену. Эмпирической базой служат материалы этнографии и глубинных интервью с ИТ-специалистами в Санкт-Петербурге, Москве, Лондоне, Дублине и других городах.

Суперурбанизация и новая конфигурация неравенства

Отправной точкой рассмотрения пространственных аспектов социального неравенства в современной социологии является мир-системный подход и связанные с ним теории глобализации. Неравенство представляется в терминах разрыва между уровнями доходов в странах «ядра» глобальной экономики и странах, составляющих ее «периферию» и «полупериферию». Однако глобализация приводит к иной конфигурации неравенства, в которой социоэкономические различия проходят не по национальным границам. Богатство и власть концентрируются скорее в сети суперурбанизированных зон, играющих в транснациональной экономике роль «командных центров», доминирующих и над сырьевыми, и над индустриальными регионами различных стран.

Современный мир вышел за рамки урбанизации и стал суперурбанизированным после 2010 года, когда городское население превысило 50% мирового населения. Если в 1950 году в мире было шесть городов с населением свыше пяти миллионов человек, то к 2010 их число выросло до шестидесяти, а к 2014 — до семидесяти одного. В мире, перешедшем в стадию суперурбанизации, неравенства следует рассматривать не только в контексте разрыва между индустриально развитыми урбанизированными и аграрными территориями, но также в контексте отрыва суперурбанизированных центров от остального мира. Суперурбанизированные центры превосходят в развитии национальные экономики, к которым принадлежат, и тем самым открывают новое измерение неравенства. Согласно данным исследования, проведенного институтом Брукинга, триста крупнейших городов, чье население составляет лишь 19% населения мира, производят 48% мирового валового продукта. В исследовании, проведенном под эгидой консалтинговой компании McKinsey, выявлен тот же структурный эффект: шестьсот самых экономически успешных городов концентрируют 22% мирового населения, но обеспечивают более 50% мирового ВВП.

Различия в экономических и социальных условиях между группой крупнейших городов и другими сообществами указывают на то, что глобализация приводит не к возникновению «всемирного общества», а скорее к образованию сети анклавов глобальности. В таких мегаполисах, как Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон, Токио, Москва и т. п., объединяемых идущими через национальные границы материаль-

Иванов Дмитрий

Санкт-Петербургский
государственный
университет

ными, людскими, информационными потоками, глобальность — это повседневный опыт транснациональной, мобильной и мультикультурной жизни. Так что термин «глобализация» означает не планетарное распространение социальных структур, а локализованное в сети мегаполисов замещение привычных структур интенсивными потоками. Даже в наиболее развитых странах доступ к социально значимым ресурсам в анклавах глобальности существенно отличается от условий жизни в окружающих мегаполисы социальных пространствах. Поэтому традиционное разделение на «ядро» и «(полу)периферию» в глобальном социально-экономическом порядке нуждается в пересмотре. «Ядро» предстает как сетевая и транснациональная структура, образуемая анклавами глобальности, возникающими в суперурбанизированных зонах.

Пространственная конфигурация неравенства характеризуется не только концентрацией богатства, власти и культурного доминирования в анклавах глобальности. В сравнении с их собственными странами мегаполисы характеризуются одновременно и как центры экономического роста, и как центры экономического неравенства, измеряемого коэффициентом Джини. Комбинация относительно более высокого уровня жизни, измеряемого объемом производимого ВВП на душу населения, и высокого уровня неравенства доходов свидетельствует, что сеть анклавов глобальности репрезентирует те два «лица неравенства», которые распознаются как социальная исключенность и неравная включенность. Жители малых городов и сельских районов оказываются социально исключенными в той мере, в какой они изолированы от тех потоков ресурсов, которые циркулируют внутри транснациональной сети мегаполисов. Однако люди, вовлеченные в такие потоки, оказываются в ситуации большего неравенства, поскольку они получают доступ к материальным, человеческим и символическим ресурсам внутри новой разновидности постиндустриального капитализма, характерные черты которой отчетливо проявляются как раз в сети анклавов глобальности.

Неустойчивость трудовой биографии горожанина: мотивационные риски

Трансформационные процессы, происходящие в современном российском обществе, резко изменили конфигурацию рынка труда, перенаправили процессы восходящей и нисходящей мобильности, а вслед за этим изменили социальную структуру общества. Поэтому исследования современного рынка труда, возможностей продвижения индивидов по ступеням статусной, профессиональной, должностной иерархии, реализации их профессионально-трудового потенциала становятся особенно актуальными. В мировой исследовательской практике эти проблемы изучаются в традициях карьерных исследований. Профессиональная карьера рассматривается как итог конституирующего влияния жизненных стратегий или жизненных курсов, целей индивида, его мотивов, системы ценностей, выбора профессии, возрастных и гендерных характеристик. В узком смысле она рассматривается как продвижение в организационной иерархии, представленное последовательностью выполняемых человеком работ в течение жизни, установок и моделей поведения, связанных с опытом работы, в том числе движение от одной карьеры к другой. В современных постиндустриальных обществах обычные линейные или вертикальные карьеры стали уступать нелинейным, прерывистым, спиральным, переходным карьерам, что дало толчок к формированию новых подходов в карьерных исследованиях. Встает вопрос возможности планирования долгосрочной профессиональной карьеры. Однако на карьерные модели конкретных индивидов экономическая политика в области труда и занятости влияют в такой же мере, как и индивидуальные различия носителей карьерных установок, сложившийся социальный контекст. Постепенно складывается традиция изучения взаимосвязи социального контекста и карьерных моделей, включая в контекст социальное происхождение, процессы социализации, индивидуальную трудовую историю, жизненную ситуацию (current-life context) индивидов, что может влиять на восприятие ими трудовых ценностей и конкретных ситуаций продвижения по различным социальным позициям. В исследованиях карьеры одним из центральных становится концепт времени, когда биография индивида отражается в его карьерном выборе. Поскольку социальный контекст может меняться с течением времени, более обоснованным при изучении карьерных путей представляется анализ конфигурации вышеуказанных переменных.

**Игнатова
Светлана**

Социологический
институт
Российской
академии наук

В ходе реализации различных проектов, связанных с изучением жизненного пути, жизненных и профессиональных стратегий представителей различных социальных групп, мы обратили внимание на понятие трудовой биографии. Трудовая биография, в отличие от понятия профессиональной карьеры в российском контексте, включает не только шаги, ступени трудовой деятельности индивида, которые можно изучать в более узком контексте социальной мобильности, но и различные события — случайные или нет, — мотивации, семейные традиции и практики; трудовая биография учитывает социально-культурный контекст биографии семьи, социализации индивида, передачи семейных ресурсов и актуальных капиталов. Таким образом, данное понятие зачастую является более релевантным анализу многих аспектов трудовой деятельности индивидов, поскольку биографический подход фиксируется именно на носителе биографии, а события трудовой деятельности рассматриваются с точки зрения мотивированности и субъективного придания смысла. Среди исследователей идет активная дискуссия о поиске оптимального сочетания задач жизненного и трудового пути индивида или семьи в условиях нестабильности повседневной жизни, когда в трудовую действительность вторгаются все больше запросов со стороны семейной и общественной жизни (например, забота о детях, пожилых или больных членах семьи); обсуждается формирование специфической личной компетенции в управлении прерывностью и гибкостью в этом сегменте отношений. В докладе на основе данных лонгитюдных наблюдений петербургских семей (1993–1996, 1998–2000, 2014–2015), осуществляемых методом полуструктурированного биографического интервью, исследуется феномен неустойчивости трудовых биографий горожан, их связь с профессиональными биографиями и жизненным путем, а также мотивационные риски, влияющие на траектории трудового пути. Доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ «Траектории жизненных курсов петербуржцев в постсоветской России: межпоколенческий анализ», № 15-03-00421.

Информационно-коммуникативные технологии в конструировании социального пространства мегаполиса

Интернет стал технологической средой, где одновременно протекают процессы концентрации мегаполисов и организация глобальной сети. Концентрации мегаполисов способствует наступление информационной эпохи. Генерация знаний и обработка данных становятся источниками материальных ценностей и власти [Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000]. Они находятся в зависимости от мест, где сконцентрированы представители «креативного класса», — инновационные работники, места их концентрации и появления эффекта синергии — мегаполисы.

Второй вид профессионалов — те, кто имеет дело с информацией и коммуникациями, основанными на сетевой организации и интернете [Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 263]. К новым формам работы относится «работа на расстоянии», получившая большее распространение, чем телекомпьютинг, и ставшая основой мультимодальной мобильности в мегаполисе. Интернет способствует мобильности в физическом пространстве, создавая гипермобильность. В результате снижается роль городских центров и главных улиц, образуется некое гибридное пространство, состоящее из отдельных мест и потоков, — пространство сетевых мест [Там же. С. 271].

Все большее воздействие на структуру мегаполиса оказывает технология «дополненной реальности». Городской житель может получать информацию о местонахождении участника социальной сети в непосредственной физической близости и вступать с ним в виртуальный контакт. Это смешение реальностей увеличивает диапазон возможностей. Возникает смешанная реальность, в которой объединены реальные и виртуальные миры [Глазкова С. А. «Дополненная реальность» в мобильном коммуникативном пространстве // Проблемы теоретической социологии. Вып. 9 / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб., 2012.].

Мобильные телефонные устройства запускают приложения, позволяющие включаться в «дополненную реальность». В результате применения мобильных коммуникаций у горожанина изменяются представления о пространстве и появляются новые практики взаимодействия — возможность постоянно поддерживать комму-

**Игнатьев
Владимир**

Новосибирский
государственный
технический
университет

никацию на расстоянии. В результате возрастает неуверенность людей в социальных интеракциях — они постоянно перепланируются. Использование мобильных телефонов преобразует систему связей внутри городской социальной общности, переводит ее из режима жесткого планирования в режим мягкой, гибкой и динамической координации [Гладарев Б. С. Социальное измерение мобильной телефонии // Человек. Сообщество. Управление. 2007. №3]. Это приводит к накоплению непреднамеренных социальных последствий и к формированию новых правил социального взаимодействия.

Пользователи предпочитают общаться с близкими референтами и отгораживаются через эти коммуникации от публичного общения с «неблизкими» окружающими. Образуется «кочевая близость»: мобильные телефоны делают возможным постоянно оставаться погруженным в личные сети, но за счет преодоления наличного социального пространства [Глазкова С. А. С. 117]. Тем самым индивиды игнорируют социальную ситуацию, в которой непосредственно физически находятся. Наблюдается своеобразная «колонизация» публичного пространства индивидами, которые участвуют в удаленных коммуникациях с представителями своего сетевого сообщества [Абрамов Р. Н. Социокультурные аспекты воздействия мобильной телефонии на повседневность: теоретические перспективы и практические результаты [Электронный ресурс] www.hse.ru/data/2010/03/06/1140710509/ (pdf)]. Мобильная коммуникация сужает диапазон отношений, в которые включен человек, до близкого круга «значимых других» в ущерб широкой публичной коммуникации. В итоге количество коммуникационных каналов, доступных жителю современного мегаполиса, возрастает, а круг тех, с кем он общается, сужается [Гладарев Б. С.].

Таким образом, современный мегаполис представляет собой типичный случай «разлома социального пространства», происходящего в процессе перегрузки повседневных практик виртуальными практиками и технологиями «дополненной реальности». Так мегаполис становится пространством параллельных и альтернативных социальных миров.

Экономические аспекты языковой ситуации в мегаполисе

Мегаполис, крупный город, является местом концентрации людей, носителей человеческого капитала, как, впрочем, и местом концентрации иных ресурсов. Эффекты такой концентрации двояки, что позволяет говорить о положительных и отрицательных агломерационных эффектах. В числе неоднозначных аспектов жизни большого города — языковая ситуация, ее экономические факторы и следствия. Специфика языковой ситуации в мегаполисе связана с сосуществованием и взаимодействием на относительно ограниченной территории носителей различных языков и культур, принадлежащих как к преобладающему этносу, так и к присутствующим в городе традиционным и вновь формирующимся этническим диаспорам, иноязычных индивидуумов, работающих (причем в самых разнообразных сегментах рынка рабочей силы, от неквалифицированной до высококвалифицированной) или посещающих город с деловыми или туристическими целями. Масштабы мегаполиса создают не только возможность формирования единых и крупных общегородских рынков рабочей силы, человеческого капитала, товаров, работ и услуг, но и возможность противоположного процесса — сегментации рынков, формирования относительно небольших, но экономически устойчивых или самодостаточных рынков, ориентирующихся на определенные группы людей, объединенных, в частности, тем или иным языком. При этом наличие соответствующих языковых навыков открывает доступ к определенному рынку, а их отсутствие (языковой барьер) выступает в качестве частного случая рыночных барьеров. Вследствие этого языковая ситуация и языковая политика, призванная воздействовать на эту ситуацию, имеют вполне осязаемые социально-экономические предпосылки и следствия. Языковая ситуация в мегаполисе непосредственно связана с рыночной, социально-экономической ситуацией в нем, с вопросами социальной и экономической справедливости, защиты прав трудящихся и потребителей, причем потребителей не только частных, но и коллективных, общественных благ.

**Кадочников
Денис**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Японский тренд в питании жителей российских мегаполисов

**Капусткина
Елена**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

В большинстве европейских стран количество японских ресторанов невелико, поэтому посещение подобных мест превращается в важное событие. В российских мегаполисах ситуация отличается кардинально. Так, существуют две основные группы потенциальных клиентов японских ресторанов. Первая состоит из людей, предпочитающих здоровый образ жизни и посещающих фитнес клубы. Для них наиболее важными характеристиками японской кухни являются использование натуральных продуктов, подвергающихся минимальной температурной обработке, и ограниченное число калорий. Вторая категория гостей японских ресторанов — представители «золотой молодежи». Для данной категории посетителей характерно демонстративное потребление, то есть рестораны, в которые они ходят, должны предлагать эксклюзивную и дорогую еду. Такими и были первые японские рестораны.

В настоящее время в Санкт-Петербурге существуют два типа мест, где можно попробовать японские блюда. Первую группу составляют рестораны, которые предлагают исключительно японскую еду. Другая категория ресторанов относится к категории комплексных — в них предлагаются блюда разных кухонь. Необходимо отметить, что японские рестораны в Санкт-Петербурге ориентированы в основном на местных жителей, которые не имеют представления об аутентичной еде этой страны. Так, в настоящее время в нашем мегаполисе нет ни одного шеф-повара из Японии.

В начале мирового экономического кризиса в российских мегаполисах появились низкоценовые сети, где можно было купить дешевые суши или ингредиенты для приготовления подобной еды дома. Это было связано с тем, что многие россияне стали считать посещение ресторанов слишком дорогим, но вкус к японской еде был уже сформирован. Сейчас будущее японской еды в России выглядит позитивным. В мегаполисах существуют рестораны с высокой японской кухней, которые посещают представители высшего и среднего классов. Но появились и новые форматы такой кухни для людей с гораздо более низкими доходами. Таким образом, японская кухня стала доступной для всех категорий населения России.

Городские путеводители и символическое присвоение публичного пространства

Наличие активных городских сообществ является важнейшим условием формирования креативной городской экономики. Мегаполисы сегодня оказываются местами репрезентации — представления себя миру — в конкурентной борьбе за признание для различных социальных групп. Эта борьба осуществляется с помощью средств символического производства путем непрерывного умножения самоописаний города. Риелторы и ритейлеры, рабочие и ИТР-овцы, интеллигенция и «новые умные» создают свои значимые места, мифы, мемы, культовые фигуры, стиль жизни, культурные практики, свой жаргон.

В нашем докладе мы хотим проанализировать три группы источников, свидетельствующих о формировании в Екатеринбурге креативного сегмента экономики. Во-первых, справочники и путеводители, ориентированные на три различные референтные группы: «Е-бург» пермского беллетриста А. Иванова; «Место: нестандартный путеводитель» компании по управлению недвижимостью «RED»; «Екатеринбург: архитектурный путеводитель, 1920–40 гг.» издательства «Татлин». Во-вторых, фильм «Страна ОЗ» В. Сигарева (известного в России и за ее пределами ученика драматурга Н. Коляды). Наконец, в-третьих, несколько работ Тимофея Ради, самого перспективного по оценкам списка Forbs художника екатеринбургского стрит-арта. Спектр адресатов, охватываемый данным корпусом текстов, включает нарочито безыдейных «практических русских», богемно-буржуазную интеллигенцию и творческих индивидуалистов. Как туристические, так и художественные тексты выполняют функцию ориентационную — служат тому, чтобы при всех различиях сделать повседневные практики (передвижения, шопинга, потребления и приготовления пищи и т. п.) ясными, легко читаемыми, позволяющими схватить целое для успешного оперирования в мегаполисе. Однако художественность достраивает еще один вектор — вообразимость, то есть задействован такой ресурс, как воображение. Вслед за М. де Серто и Дж. Холлом мы будем различать «операциональность» и «вообразимость» как тактики и стратегии жизни в городе. В ситуации фрагментации и отсутствия связности современного мегаполиса, они осуществляют вторичное освоение распавшихся фрагментов органики индустриального города, упорядочивая энтропию в новых нарративах (маршрутах) публичных пространств.

**Кропотов
Сергей**

Уральский
государственный
экономический
университет

Культурная экономия чувств городских систем мобильности

**Кузнецов
Андрей**

Волгоградский
государственный
университет

Данный доклад посвящен культурной экономии чувств в городских системах мобильности, сформировавшихся в эпоху модерна, и продолжающих трансформироваться в настоящее время. Эпоху модерна среди прочего характеризуют двумя чертами. Во-первых, как общество, пришедшее в движение. Во-вторых, как культурную формацию, в которой существует определенная иерархия чувств. В этом отношении модерн — диктатура разума и глаза. Зададимся вопросом о том, как соотносятся два этих утверждения о модерне? Как связаны зрение и движение? С одной стороны, из экологии зрительного восприятия мы знаем, что многие животные видят лишь то, что движется. Способность человека видеть неподвижные объекты обусловлена тем, что его глаза сами постоянно совершают микродвижения. С другой стороны, известный антрополог Тим Инголд замечает, что люди видят в процессе того, как они двигаются, а не только в промежутках между движением; он настаивает на том, что мобильности являются важным измерением для более адекватного понимания перцептивных и эпистемических практик, поскольку наше знание о городской среде вырабатывается не путем восхождения от близорукой локальной перспективы к перспективе паноптической и глобальной, но посредством перехода из одного места в другое.

В своих рассуждениях мы отталкиваемся от пересечения двух тезисов: 1) визуальная объективация пространства является результатом определенных режимов путешествия (Дж. Урри), 2) всякое отношение (транспортной) медиации предполагает одновременную трансформацию, и того, кто/что перемещается, и пространства, в котором происходит перемещение (Б. Латур). Комбинация этих двух тезисов создает пространство для постановки вопроса (на примере систем рельсового транспорта и автомобильности) о связи между зрением и движением, в частности и между культурной экономией чувств и формами мобильности в целом. Далее на примере менее конвенциональных систем городского паратранзита (образцом которого в России являются маршрутные такси) будут показаны альтернативные порядки экономии чувств, где зрение не является доминирующим и на первый план выходят другие чувства и аффекты.

Зоопарки как часть городского пространства: история и современность

Зоопарк представляет собой особую форму организации культурного пространства современного крупного города и является неотъемлемой его принадлежностью. Зоопарки в европейских городах возникают в XVIII–XIX веках, и увеличение их количества происходит синхронно с процессом урбанизации. Вместе с тем, известны многочисленные свидетельства о существовании прототипов зоопарков в разные периоды человеческой истории. Однако специфическим элементом городского публичного пространства зоопарк становится только в эпоху модерна, и тогда же за ним закрепляется ряд функций, к которым можно отнести просветительскую (информационную), культурно-досуговую, научную и развлекательную.

Некоторые исследователи отмечают, что современный период в истории развития зоопарков начинается с 1950-х годов и определяется несколькими факторами, к которым можно отнести революцию в биологических науках, связанную с достижениями в области генетики, научно-технический прогресс в целом и социальные изменения, обусловленные в том числе ценностными сдвигами в общественном сознании [Graetz M. The Role of Architectural Design in Promoting the Social Objectives of Zoos. 1995 [Электронный ресурс] <http://designforlife.com.sg/thesis/endnotes.html>]. Зоопарк перестает рассматриваться как простая форма совмещения природного и социального пространства, в ситуации стремительного увеличения антропогенного давления на природную среду зоопарк становится одним из способов сохранения этой среды, пусть даже в виде изолированных микропопуляций. Усиливается символическая роль зоопарка как «окна» в мир дикой природы, который становится практически недоступным городским жителям. Это очевидным образом сказывается на визуальном решении пространства зоопарка, один из главных элементов которого, пришедший из классической эпохи, — металлическая решетка, выступавшая физической и символической границей между человеком и животными, — в значительной степени вытесняется иными, менее очевидными, формами демаркации. Все большее значение приобретают «безбарьерные» решения, не затрудняющие визуальную коммуникацию между человеком и животными.

**Курбанов
Артемий**

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

Современный зоопарк также имеет очевидную коммерческую составляющую своей деятельности, частично необходимую для поддержания собственного существования, частично пополняющую городской бюджет, что придает дополнительное своеобразие его пространству, включающему, помимо объектов живой природы, различные кафе, киоски с сувенирной продукцией и т. д. Наконец, зоопарк, хотя и обладает определенной автономностью своего существования, включен в общегородское пространство и является частью «визитной карточки» города [Баженова Е. В. Зоопространство на карте больших городов // «Город-карта»: стратегии переосмысления и реорганизации городских пространств. Екатеринбург, 2012. С. 9–13].

Социальное конструирование креативных пространств в современном мегаполисе (на примере Пекина и Санкт-Петербурга)

Современные мегаполисы отличает собственная логика развития социально-экономической жизни. При этом частные тенденции, зависящие от конкретных места, времени и форм проявления, хорошо вписываются в глобальные тренды. Одной из приоритетных задач в стратегиях развития мегаполисов разных стран мира является становление креативных индустрий. Появление так называемого творческого класса способствует развитию новых экономических зон в пространстве крупного города.

Анализ таких новых явлений, как лофты, арт-территории, коворкинг-пространства с позиций современной теории о вторичной (или информационной) модернизации китайского социолога Хэ Чуанци, подтверждает идею о том, что глобальные процессы трансформации современного общества в каждой стране обладают своими отличительными особенностями.

При расчете показателя вторичной модернизации включаются индексы инновации в знаниях, индекс трансляции знаний, индекс качества жизни, индекс качества экономики.

Как и во многих других городах мира, в Пекине и Санкт-Петербурге развитие творческих индустрий является своеобразной «антикризисной» мерой. Пекин как центр всех трансформационных процессов китайского общества в полной мере включен в глобальные тренды постиндустриального общества. Несмотря на то, что Китай по общему индексу креативности занимает шестьдесят седьмое место среди восьмидесяти двух развитых и развивающихся стран (в 2010 году отставал от России и других стран БРИКС), по уровню развития технологий Китай занимает тридцать девятое место. В Пекине закончилась фаза первичной модернизации (собственно индустриализации), началась вторичная, или информационная модернизация, в которой важную роль играют процессы развития информационно-коммуникационных технологий и «креативного класса», который по разным оценкам составляет от 9 до 25% в Пекине.

В 2000 году на съезде Коммунистической партии Китая было решено включить развитие творческих индустрий в пятилетний план развития страны. Основной ак-

**Лебединцева
Любовь**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

цент здесь делается на программное обеспечение, мультимедиа, 3D-технологии, рекламу и другие виды интеллектуальных продуктов.

В Санкт-Петербурге активно развиваются креативные пространства, которые способствуют изменению инфраструктуры города, формируют новую внутриэкономическую среду для малого бизнеса и представителей креативных индустрий. Преобразование пространства города происходит в основном за счет частных инвестиций. Надо отметить, что Санкт-Петербург — это в полной мере крупный мегаполис постиндустриальной экономики, в структуре его ВРП 67,7% составляют услуги, и находится в конце фазы вторичной модернизации.

Мегаполис представляет собой динамическое единство множества разнообразных структур: культурных, политических, экономических, природных, климатических, биологических, архитектурных, инженерных и т. д. Для его изучения используются современные методологические подходы. Одним из актуальных, на наш взгляд, является социосинергетический подход. Важная социальная функция творческих кластеров заключается в том, что они способствуют возникновению сетевого взаимодействия представителей различных профессий, объединенных наличием элемента креативности. Общение между творческими профессионалами порождает новые креативные идеи и проекты, что является основой социального конструирования подобных территорий и способствует дальнейшему их развитию. Возникает синергетический эффект взаимодействия множества разнообразных творческих организаций и личностей, что позволяет создавать в рамках кластеров успешные и привлекательные проекты.

Межмуниципальное сотрудничество как вызов развитию мегаполисов в России

Мегаполисы и другие городские агломерации играют ведущую роль в экономическом развитии как в развитых странах, так и в ряде развивающихся. Это обусловлено положительными агломерационными эффектами, особенно сильно проявляющимися в сфере инноваций и в экономике знаний. Однако, наряду с положительными эффектами агломерации порождают и отрицательные: высокие цены на недвижимость, транспортные проблемы, ухудшение состояния окружающей среды и другие. Большую роль в оптимизации агломерационных эффектов (создании условий для максимизации положительных эффектов и нейтрализации или уменьшения воздействия отрицательных) играет межмуниципальная кооперация в планировании и реализации совместных проектов.

Понимание роли агломераций нашло отражение в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ, принятых в последние годы (после выхода 172 ФЗ). В стратегиях Республики Татарстан и Свердловской области выделяются кластеры городов, представляющие собой агломерации (Казанскую, Екатеринбургскую), или имеющие потенциал для агломерирования (Набережночелнинская, Альметьевская в Татарстане, Горнозаводская и Северная в Свердловской области). В Стратегии Свердловской области также поставлена задача развития связей и транспортного сообщения между Екатеринбургом и Челябинском. Сложнее обстоит дело с Санкт-Петербургской агломерацией, часть которой находится на территории Ленинградской области. В Стратегии Санкт-Петербурга до 2030 года сделана ставка на полицентрическое развитие, но вопросы развития агломерации явно не рассматриваются в стратегических документах ни города, ни области, так как выходят за рамки полномочий каждого из субъектов федерации. Правда, в развитие Концепции социально-экономического развития до 2025 года в Ленинградской области разработана программа развития территорий, прилегающих к Санкт-Петербургу, увязанная со Стратегией-2030 Санкт-Петербурга и учитывающая аналитические материалы по Санкт-Петербургской агломерации. Выделение агломераций в качестве приоритетов пространственного развития в стратегиях субъектов федерации ставит на повестку дня следующие вопросы: о необходимости разработки стратегий и планов развития агломераций и о создании организационных структур и механизмов принятия решений для управления процессами формирования и развития агломераций.

Лимонов Леонид

Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург

В связи с этим (и с учетом международного опыта) важно учесть следующее:

1. Агломерации (в том числе мегаполисы) представляют собой не административные образования, а социально-экономическую реальность. Соответственно, границы агломераций подвижны и не могут быть зафиксированы никакими нормативными документами.
2. Общие интересы территорий в агломерационном развитии могут быть различными: например, одни муниципальные образования могут кооперироваться по вопросам переработки мусора, другие — в реализации проектов развития транспортной инфраструктуры, а третьи — в разработке и реализации программ повышения энергоэффективности. Поэтому стратегия развития агломерации может представлять собой набор программ и планов межмуниципального сотрудничества.
3. Роль федерального центра в этой связи должна состоять, с нашей точки зрения, не в стимулировании субъектов федерации к фиксации границ агломераций и передаче ряда полномочий, касающихся территории агломерации, на уровень субъекта федерации, а в распространении лучшего опыта межмуниципального сотрудничества в планировании и решении общих задач социального, экономического и пространственного развития (при поддержке и, возможно, софинансировании проектов со стороны субъекта федерации).
4. Организационной формой координации процессов агломерационного развития могла бы стать ассоциация муниципальных образований, координирующая свои планы и проекты с одним или несколькими (в случае Московской и Санкт-Петербургской агломераций) субъектами федерации. Исполнительной структурой для реализации проектов и программ агломерационного развития могло бы выступить Агентство развития агломерации, учреждаемое муниципальными образованиями — членами ассоциации в форме некоммерческой организации.

К сожалению, такой подход к планированию и регулированию развития агломераций требует другой административной культуры, основанной на горизонтальных связях и широком общественном участии в обсуждении проектов, представляющих интерес для ряда муниципальных образований, входящих в агломерацию, а иногда и для нескольких субъектов федерации. На практике межмуниципальная кооперация часто заменяется административным решением субъекта федерации или других вышестоящих органов, еще чаще — нескоординированным развитием, снижающим качество жизни и положительные агломерационные эффекты. Укрепление горизонтальных связей по вопросам развития территорий, в том числе и на административном уровне — важный вызов, стоящий перед нашими городскими агломерациями, от решения этой проблемы зависит во многом и качество жизни, и глобальная конкурентоспособность российских мегаполисов.

Развитие человеческого потенциала в российских мегаполисах

Концептуальный подход к человеческому развитию был разработан экспертами ООН. Организация в рамках Программы развития (ПРООН) ежегодно публикует доклады о человеческом развитии. Согласно последнему Докладу ООН, Российская Федерация располагается в верхней трети списка стран с высоким уровнем человеческого развития. Заняв пятьдесят седьмое место в рейтинге 2014 года, страна потеряла две позиции по сравнению с предыдущим годом, но опережает другие страны с быстрорастущей экономикой.

Основные показатели РФ в 2012 году таковы: средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении — 69,1 лет (Норвегия, лидер рейтинга — 81,3 года); средняя продолжительность получения образования — 11,7 года; ВВП на душу населения — \$ 12 700 в год (в Норвегии — \$ 98 860).

По большинству стран ООН публикует национальные доклады, по России, — начиная с 1995 года; последний доклад ПРООН по РФ содержит данные за 2010 год.

Город Москва — лидер российского рейтинга, второе место — за северной столицей (табл. 1).

Таблица 1. Индекс человеческого развития в городах Москва и Санкт-Петербург в 2010 году [ПРООН. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 2013]

Регион	Душевой ВВП, \$ ппс	Индекс доходов	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс продолжительности жизни	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования	Индекс человеческого развития
Российская Федерация	19674	0,882	68,83	0,731	99,7	0,755	0,916	0,843
г. Москва	39226	1,000	73,56	0,809	99,99	0,953	0,984	0,931
г. Санкт-Петербург	24551	0,919	71,49	0,775	99,9	0,908	0,969	0,887

Валовой региональный продукт на душу населения в Москве почти в два раза выше, чем в среднем в РФ; в Санкт-Петербурге показатель больше среднероссийского на 28%. Однако ни один из названных городов не является лидером по этому показателю. Город Москва имеет третье значение, город Санкт-Петербург —

**Липатова
Людмила**

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

седьмое. Наибольшее значение душевого ВРП отмечается в Тюменской области — \$ 60 363.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни в Москве больше среднего по России значения на 7%; в Санкт-Петербурге — на 4%. По этому показателю в России лидируют республики Ингушетия и Дагестан — 74,1; город Санкт-Петербург занимает восьмое место.

Грамотность взрослого населения в обоих рассматриваемых российских городах очень высокая. По доле учащихся в возрасте 7–24 лет город Москва — безусловный лидер, этот показатель на 26% больше среднего по РФ значения. Город Санкт-Петербург — на третьем месте.

На индекс человеческого развития России в первую очередь негативно влияет низкая продолжительность жизни, характерная скорее для неблагополучных стран. Существующие позиции в итоговом распределении стране удастся сохранить благодаря высокому уровню образованности населения, который может понизиться вследствие низкой, в сравнении с передовыми странами, ожидаемой продолжительности обучения.

Принципы устойчивой жизни в условиях кризиса на примере городского дауншифтинга

В современных условиях изменчивости и гибкости городской среды появляются новые стилижизненные практики. Цивилизация и экономика продолжают расширение, а известный тезис Карла Маркса об отчуждении человека от человеческой сущности до сих пор не теряет актуальности. Поэтому поиски оптимального сочетания задач жизненного пути и формулы work-life представляются важными. «Это один из способов лучше справиться с ожидающими нас трудностями — разумно минимизируя псевдопотребности, провоцируемые обществом потребления», — таким образом Маргарет Мид усматривает суть предпосылок возникновения дауншифтинга [Mead M. Studying Contemporary Western Society: Method and Theory (the Study of Contemporary Western Cultures), Berghahn Books, 2003].

Понятие work-life — это баланс приоритетов в отношении работы (карьеру и амбиций) и образа жизни (отдыха, досуга, семьи, здоровья и духовного развития). Эта формула свидетельствует о переносе центра тяжести в конструировании жизненного пути на индивидуальный выбор. Наше исследование было направлено на решение вопроса о возможностях повышения качества жизни в условиях кризиса естественным образом.

На основе анализа проведенных девяти полуструктурированных интервью с представителями альтернативных городских образов жизни, были выявлены следующие оптимальные соотношения баланса work-life для кризисных состояний:

1. Формируются различные стили жизни, часть из которых можно в широком смысле объединить концептом «простая жизнь», «добровольная простота», дауншифтинг — voluntary simplicity, simple living. Понятия включают в себя ряд различных добровольно-сознательных практик упрощения жизни. Подразумевает также отказ от материалистических принципов жизни и неумеренного потребления в пользу более высокого качества жизни, «жизни ради себя». Новый кризис — время новых возможностей. Voluntary simplicity в широком плане обращает внимание людей на возможность жить легче, сосредоточившись в данный момент на качественном развитии основных своих желаний и потребностей, а не на количестве и посредственности. Это позволит избежать психических заболеваний, вызванных материалистическими заблуждениями. А в долгосрочной перспективе та-

Локтева Дарья

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

кая осознанная самореализация станет источником конструктивной человеческой деятельности, способствующей прогрессу.

2. Новые стилежизненные практики, дауншифтинг и добровольная простота распространяются благодаря открытому пространству для биографического маневра, создаваемому процессами глобализации (стираются границы), информатизации и взаимопроникновения культур.

3. Поддержание высокого качества жизни в кризисные годы возможно путем добровольно-сознательного упрощения своей жизни, а также выполнения баланса work-life: сочетание принципа удовольствия-и-наслаждения с принципом рефлексии-и-индивидуальности.

4. Для изменения стиля жизни в сторону упрощения не обязательно мигрировать из мегаполиса. Как показало исследование, реализовать принципы дауншифтинга проще в современном мегаполисе в силу развитой инфраструктуры, задействуя ресурсы региона.

Таким образом, дауншифтинг, организация специальных эко-зон, эко-коворкингов в городе, — это стремление людей придать своей жизни большую устойчивость. Эти принципы устойчивой жизни особенно актуальны в условиях кризиса. Опираясь на новейшие практики дауншифтеров, можно перенимать их и создавать условия для повышения качества жизни в мегаполисе, для развития комфортных условий труда и, конечно, повышения уровня экологической культуры.

Экономический упадок города в XVIII главе Апокалипсиса

Согласно автору Апокалипсиса, следствием отступления людей от Бога станут многочисленные бедствия, среди которых упоминается и экономический упадок некогда процветавшего огромного города. По мнению многих толкователей, речь, прежде всего, идет о Риме. Тем не менее, как и многое другое в Откровении святого Иоанна Богослова, это видение может иметь более широкое толкование.

Это наиболее крупный фрагмент новозаветных книг, посвященный кризисным явлениям в экономике. В нем говорится об исчезновении дохода купцов в связи с гибелью всемирного Вавилона, в котором толкователи видели один из центров богатства Древнего Мира, чаще всего Рим как прообраз будущего наиболее экономически развитого центра мира, Гигаполиса, смешавшего различные цивилизации и культуры. Древний толкователь Апокалипсиса видит в образе гибнущего города и Вавилон Персидский и Вавилон Римский. Он также отмечает, что «не погрешит против надлежащего и тот, кто будет разуметь под ним... царство, как бы в одном общем теле владывающее сначала до ныне и поистине пролившее крови Апостолов, Пророков и Мучеников. Ибо, как говорится — один лик, одно войско и один город, хотя составляющие каждое из них и переменяются, так одно и царство, несмотря на то, что оно дробится и распределяется по многим городам и местам» [Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского / Пер. с греч. Изд. IV Афонского Русского Пантелеймонова монастыря. М., 1901. С. 156]. Близкий нам по времени Сергей Булгаков в своем комментарии высказывает сходную мысль: «Вавилон-Рим не был никогда до конца уничтожен, хотя и бывал много раз уничтожаем. Он возрастал и умалялся, переживал кризисы и революции, но ни одну из них нельзя назвать уничтожением... повторяются и во внешних судьбах потрясения и разрушения, выявляющие его духовную мертвость и несостоятельность... В таком смысле мы имеем право и даже обязанность сказать, что и в наши дни, пред лицом м всего происходящего, мы присутствуем, мы присутствуем при некотором новом “падении” Вавилона или вавилонов, гнева Божия и суда над ними» [Булгаков С. Апокалипсис Иоанна (Опыт догматического истолкования). М.: Православное Братство Трезвости «Отрада и утешение», 1991. С. 156]. Автор Апокалипсиса отмечает, что о гибели Вавилона «восплачут и возрыдают» наряду с другими и «купцы земные» (Откр

Лукин Сергей

Белорусский
государственный
университет

18:11–12). Причина их плача — не сама гибель великого города, а исчезновение источника дохода через резкое падение спроса на их товары. Это важный штрих, характеризующий в данном пророчестве восприятие кризиса предпринимателями конца времен и их внутреннего состояния. Не случайно, конечно, в этой главе Апокалипсиса товары, которые перестают покупать, перечисляются в определенном порядке. Этот порядок обозначает, по-видимому, путь развития рецессии. Вначале называются предметы роскоши: золотые и серебряные изделия, драгоценности, дорогие ткани. После этого — промежуточные товары: пряности, благовония. Затем перечисляется то, что называется товарами первой необходимости: вино, елей, пшеница, скот, овцы, кони и колесницы. В развращенном Вавилоне к товарам наиболее важным отнесены и души и тела человеческие. Толкуя эти два стиха, св. Андрей Кесарийский отмечает, что нам «должно рассмотреть и рассудить которому из городов обычна торговля такого рода предметами и каким преимущественно людям свойственно приобретение излишнего для неумеренного наслаждения» [Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского. С. 153]. Гибель Вавилона, по мысли автора Апокалипсиса становится трагедией всех, кто сделал ставку на материальное обогащение: торговцы, хозяева и экипажи торговых судов и прочие и прочие, входящие в длинную цепочку, концом которой стало непомерное потребление Вавилона.

Продвижение бренда города как столицы проведения международного спортивного соревнования

Масштабные, международного уровня, спортивные мероприятия, если они проводятся по самым высоким стандартам качества, становятся брендами территорий, работают на улучшение репутации принимающей страны в глазах мирового сообщества и местного населения. Преобразования, связанные с созданием хорошо продуманных условий для проведения таких соревнований, дают долгосрочный экономический, демографический и социальный эффекты в масштабах всего региона.

Спортивные мегасобытия способствуют необходимым улучшениям общей инфраструктуры отдельного города и страны в целом, и, следовательно, могут служить сигналом для инвесторов к тому, что страна готова привлекать иностранные инвестиции. Они означают государственную поддержку конкретных секторов экономики, таких как строительство и индустрия гостеприимства, сфера обслуживания, малый бизнес, которые многократно выиграют вначале от подготовки и приема участников и гостей соревнования (так, ЮАР, благодаря организации и проведению Олимпийских игр в 2010 году, получила в среднем \$ 4400 от каждого прибывшего иностранного туриста; дополнительный туристический приток в этом и последующих годах увеличился на 12%. [Peeters T., Matheson V., Szymanski S. Tourism and the 2010 World Cup: Lessons for Developing Countries. Journal of African Economies. 2014. March. Vol. 23(2). P. 290–320]), а в долгосрочной перспективе обеспечивают создание специфической туристской, транспортной и бизнес-инфраструктуры, определяющей рост городской и региональной экономики на перспективу.

Социальные выгоды рассматриваются с позиций усиления культурной идентичности и возможностей социального взаимодействия жителей города, принимающего спортивное мероприятие. К ним можно отнести усиление социальной ответственности горожан по отношению к гостям, прибывающим в город, снижение уровня преступности, распространение волонтерской активности, осознание собственной культурной самобытности, бережное отношение к объектам исторического наследия, повышенное внимание к экологической безопасности городской среды, повышение социально-культурной роли спорта и другие социальные институты как феномены городской культуры [Yuhei Inoue, Cody T. Havard. Determinants

**Лукичева
Татьяна**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

and Consequences of the Perceived Social Impact of a Sport Event. *Journal of Sport Management*. 2014. Vol. 28, Issue 3. P. 295–310].

Улучшение качества жизни городских жителей в сочетании с ростом экономической активности становится катализатором позитивных демографических изменений в численности и структуре городского населения.

Возможно достижение дополнительного политического эффекта. В качестве примера можно упомянуть Южно-Африканскую республику, которая в результате проведения Олимпиады-2010 в значительной степени преодолела международную изоляцию, обусловленную историей узаконенной расовой дискриминации, известной как политика апартеида.

Безусловно, помимо позитивных эффектов, опыт проведения международных спортивных мероприятий изобилует примерами негативных результатов и их последствий для городов и стран, принимавших такие соревнования. Все необходимые уроки должно извлечь для того, чтобы запланированные в Санкт-Петербурге соревнования в рамках Кубка конфедерации (2017) и Чемпионата мира по футболу (2018) принесли максимальную пользу городу и усилили его статус национального и мирового бренда (см. также [Фролов Д. П., Луговая О. А. Территориальный маркетинг в преддверии Чемпионата мира по футболу 2018: мировой опыт // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2014. С. 17–22]).

Город-пространство-сюжет: «городская теория» в гостях у русской литературы

Города являются частым местом действия литературных произведений. Города также являются местами, где живут и занимаются творческой деятельностью писатели. При анализе их произведений рассматриваются география и топография, история и мифология конкретных существующих или вымышленных городов. Именно эти направления традиционно и предсказуемо привлекают исследовательское внимание.

В последнее время начало развиваться направление исследований, предпринимающее анализ литературного произведения в связи со структурой пространства в нем описанного и, соответственно, структурой / планировкой города, в котором происходит действие сюжета. У истоков этого направления стоит, в частности, применение методологий, изложенных в работах Георга Зиммеля, Вальтера Беньямина, Мишеля де Серто. В рамках данного исследовательского направления рассматривается, как организация пространства детерминирует быт, передвижение героев, их деятельность, социальное взаимодействие и, таким образом, влияет на развитие сюжета литературного произведения. Кроме того (и это в первую очередь касается вымышленных городов), организация пространства в художественном произведении может наоборот быть мотивирована сюжетом.

Предлагаемый доклад посвящен рассмотрению возможностей использования пространственных отношений в сюжете и семантической структуре литературных произведений. На примере произведений таких русских писателей, как К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Андрей Белый, Евгений Замятин, будет прослежен ряд пространственных моделей и представлена некоторая типология «пространственного сюжета» в русском городе, в первую очередь в Петербурге, но не в нем одном. Основная задача — показать, как с развитием русской литературы и с развитием самого города и городской культуры и (инфра)структуры, развивалось осознание и художественное освоение города не только как локальности, но как пространства, начиная от двухмерного передвижения по плоскости от одного места к другому и заканчивая сложным переплетением траекторий героев и задействованием трехмерности как в физическом сюжете, так и в смысловой архитектуре пространства художественного.

Лысаков Павел

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Бухгалтерские отчеты как источник сведений о проблемах и достижениях городского хозяйства (на примере отчетов города Москва конца XIX — начала XX веков)

Львова Дина

Санкт-Петербургский государственный университет

Назаров Дмитрий

Финансовый университет при Правительстве РФ

Стремительно развивающаяся со второй половины XIX века наука о бухгалтерском учете обозначила своей центральной категорией капитал коммерческих фирм. Что касается общественной (государственной) экономики, то здесь поначалу предмет и назначение счетоводства оставались неопределенными, а его значение для государственного и муниципального управления неочевидным. Как сделать учетную информацию актуальной и востребованной аппаратом управления сложным хозяйством страны, городской агломерации, государственного учреждения — этот вопрос волновал умы известных ученых и практиков — М. Пуэхберга, В. А. Татаринова, Дж. Чербони, Ф. Гогли, Й. Шротта. В ряду имен классиков общественного счетоводства особое место принадлежит А. П. Рудановскому, главному бухгалтеру Московской городской управы в 1897–1917 годах. Рудановский — автор, который неизменно привлекает внимание современных российских исследователей, его теории до сих пор считаются новаторскими, и в силу сложности и неоднозначности формулировок, обилия математических формул, философских и политэкономических постулатов, кажутся неиссякаемым источником нестандартных идей. Рудановский известен и как ниспровергатель устоявшихся догм (его балансовую теорию трактуют, как попытку нарушить балансовое равенство и, таким образом преодолеть информационные ограничения баланса), и как философ бухгалтерии, стремившийся включить теорию учета в общенаучный курс. Однако помимо теоретических работ не менее значимым источником актуальных идей является наследие Рудановского как практика и выдающегося управленца. На посту руководителя Московской бухгалтерии ему удалось превратить невостребованные ранее гроссбухи и отчеты Москвы в настольные книги представителей городской власти. Об эволюции отчетности Москвы, ее методологических и информационных характеристиках, о развернувшихся вокруг городских отчетов дискуссиях и о роли Рудановского в преобразовании бухгалтерии Москвы пойдет речь в докладе.

Малый этнический бизнес

В чуждом этнокультурном окружении мигрант оказывается в нескольких взаимобусловливающих контекстах. Вопрос о том, как отражаются урбанистический, социально-экономический и этнический контексты на ведении бизнеса, основанного на национально-культурных особенностях, является не только актуальным и значимым исследовательским вопросом, но и социологическим знанием для понимания и описания тех этнокультурных реалий, которые влияют на экономическую культуру такого мегаполиса, как Санкт-Петербург.

Во всем мире велик приток мигрантов в большие города. Санкт-Петербург — один из мегаполисов, притягивающих трудовых мигрантов в большом количестве. В основном мигранты представлены в строительстве и промышленном производстве, занимая наименее квалифицированные и тяжелые рабочие ниши, не пользующиеся высоким спросом у местного населения.

Как показывают исследования Научно-учебной лаборатории «Социология образования и науки» ВШЭ, во многих районах Санкт-Петербурга немалая часть инфраструктуры города поддерживается мигрантами. Владельцы небольших магазинов «шаговой доступности» — это в основном мигранты (70%), среди сотрудников этих магазинов мигрантов почти 60%. Вместе с тем особенно большую роль труд мигрантов играет в сфере сервиса и услуг. Растет доля мигрантов в сервисном малом бизнесе: увеличивается число небольших магазинов, кафе и столовых, парикмахерских, которыми владеют, управляют и в которых работают мигранты.

Обсуждение миграции и мигрантов отличается повышенной нервозностью. Высказывается много мнений, но при этом существует огромный дефицит данных: цифры, которые используются в дискуссиях, сильно различаются и редко основаны на надежной информации.

В заявленном докладе на основе эмпирических данных социального картирования (магазины, общественное питание, транспорт, ЖКХ, гостиничная уборка и уборка на дому) и биографических интервью с владельцами малого бизнеса мы постараемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел и представить результаты

**Маркарян
Аревик**

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

по изучению этнических особенностей и этнокультурных традиций организации и ведения малого бизнеса. В структуре доклада отразятся ответы на вопросы: 1) какие этнические группы присутствуют в сервисном малом бизнесе; 2) каковы их характеристики и какие ниши они занимают; 3) каковы особенности ведения малого бизнеса в разных этнических группах. А также мы постараемся отразить теоретические дискуссии о роли этнокультурных традиций в формировании экономической культуры мегаполиса.

В докладе будут использованы материалы и результаты проекта «Малый этнический бизнес», реализуемого НУЛ СОИ ВШЭ в 2015–2016 годах.

Перспективы развития интернета вещей

Не секрет, что интернет-технологии прочно вошли в повседневную жизнь современного человека. При постоянном совершенствовании мобильных устройств создаются все новые приложения для гаджетов (лайфлоггинговых систем и девайсов), что позволяет отслеживать, фиксировать, сохранять различные аспекты жизни человека: от списка постоянных контактов, банковских транзакций, последних покупок до состояния физического и эмоционального самочувствия. Высокая степень проникновения новых информационных технологий, безусловно, делает жизнь горожанина более удобной, позволяет оперативно получать информацию и услуги, она дает возможность городским властям и коммерческим компаниям быстрее реагировать на изменяющиеся запросы и потребности современного человека, но обратной стороной развития этих технологий является исчезновение приватности, конфиденциальности. Накапливаемая информация становится инструментом управления поведением человека.

Особую актуальность эта проблема приобретает сейчас, когда активно развивается концепция интернета вещей (The Internet of Things), позволяющая не только объединять предметы материального мира посредством интернета для обмена информацией между ними, но и развивающая возможности по накоплению, структурированию и анализу различной информации о поведении людей в городском пространстве, дома и на работе. Эта концепция была отмечена исследовательской компанией Gartner (Gartner's 2015 Hype Cycle for Emerging Technologies) среди двух тысяч технологий как одна из наиболее востребованных, позволяющих получить хорошую обратную связь от современного потребителя, значительно улучшить качество существующих продуктов и сервисов.

Развитие интернета вещей и создаваемых на базе данной технологии продуктов будет способствовать решению ряда городских проблем, связанных, например, с безопасностью и комфортностью городского передвижения, повышению качества предоставляемых услуг населению, оперативностью предоставления информации и т. д. Об этом свидетельствует опыт ряда европейских столиц, в частности Барселоны, городские власти которой взяли концепцию за основу при формировании «умного» (smart) города. При этом высокая концентрация накапливаемой частной информации о различных аспектах жизни современного человека со-

**Маркеева
Анна**

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

здаст почву для использования ее в коммерческих интересах. В этих условиях актуальными становятся общественные дискуссии по формированию этических ограничений использования накапливаемой информации, по выработке и принятию принципов регулирования ее применения в коммерческих или иных целях. Следует отметить, что эти вопросы уже активно обсуждаются в Западной Европе (в октябре 2014 года Рабочей комиссией ЕС была принята 29 статья по защите данных), дебаты на эту тему проводились Федеральной торговой комиссией США.

В ближайшие годы для России проблема обеспечения баланса между развивающимися инновационными технологиями и защитой частной жизни станет столь же актуальной. Следует подчеркнуть, что упор необходимо сделать не только на принятии законодательных ограничений (информационные технологии развиваются столь стремительно, что принятые законодательные меры, скорее всего, не будут успевать за их развитием), но прежде всего необходимо направить усилия на формирование норм и правил использования этой информации на уровне общества.

Город как пространство социального неравенства

Проблема социального неравенства сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Исследование социальных неравенств ведется более ста лет, но, несмотря на столь длительный срок, эта проблема до сих пор не теряет своей актуальности. Вопреки научно-техническому прогрессу, распространению информационных технологий и другим достижениям, современное общество не приблизилось к решению проблемы социального неравенства. Сегодня, когда население Земли является преимущественно урбанизированным, город становится пространством социального неравенства.

Специфика современного города заключена в многообразии пересекающихся в нем материальных и нематериальных потоков (будь то информация, капитал или товары), носящих в том числе и глобальный характер. Современный мегаполис обладает двойственными характеристиками. С одной стороны, он олицетворяет важнейшие современные инновации и достижения, а с другой — концентрирует наиболее значимые проблемы современности: бедность, неравенство, загрязнение окружающей среды, преступность.

Современная социология, продолжая традицию изучения городских пространств, заложенную в начале прошлого века, активно участвует в изучении города, его возможностей и ограничений. Социология города сегодня является динамично развивающейся отраслью социальной науки.

Исследование города как пространства социального неравенства имеет ряд аспектов. Во-первых, город вмещает существующие неравенства. Во-вторых, городское пространство способно не только воспроизводить, но и продуцировать неравенства. В-третьих, город сам по себе является субъектом отношений глобального социального неравенства. Современные теоретики поднимают ряд вопросов, связанных с проблемами социального неравенства в городе, среди которых важно отметить анализ городского пространства (например, З. Бауман), исследование глобальных городов (С. Сассен), мобильность в городском пространстве (Дж. Урри).

Рассмотрение указанных вопросов способствует пониманию того, как изучение города стимулирует развитие теории социального неравенства в целом.

**Мартыненко
Татьяна**

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

Ассоциации рестораторов как предпосылка и маркер уровня экономической культуры мегаполиса

**Меньшикова
Галина
Санжимитупова
Туяна**

Санкт-
Петербургский
государственный
университет

Бизнес-ассоциации (то есть добровольное объединение руководителей бизнеса для решения общих проблем) играют важную роль в социальном управлении: они влияют на правительства стран, иницируя принятие нужных решений, единими усилиями противостоят зарубежным производителям (если это надо), организуют общественный контроль за качеством соответствующих товаров или услуг, проводят благотворительные акции. За рубежом городские бизнес-ассоциации (цеха) появились уже в средние века и способствовали организации горизонтального контроля за производством и производителями.

В России стране такие объединения («Союз владельцы тракторов», «Общества трактородержателей», «Чайные общества») появились гораздо позже, что отражает уровень развития индустриального и сервисного производства, но, возникнув, быстро распространились и стали играть значимую роль в социальном управлении. Только в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга хранится более пятидесяти текстовых документов, воплощающих в форме Уставов и Правил их интенции к деятельности и практике организации («Положения о тракторных заведениях», «Обязательные правила», «Обязательные постановления о внутреннем устройстве заведений»).

Сравнив названные тексты с современными документами (сайтами) Ассоциации рестораторов и отельеров (всероссийской и региональных), можно выделить как общие свойства, так и отличия. К общим особенностям относятся единство функций (организация контроля за деятельностью отрасли, введение ограничений и единых требований к производству услуг, разработка классификаций предприятиям по типу и другие). К различиям — практики деятельности (степень включенности в социальную политику: забота о беднейших слоях населения, содействие росту культуры и грамотности, борьба с пьянством), а также связи с государством (административными структурами).

Совместное потребление в городском пространстве: модный тренд или новая модель потребления?

Понятие «совместное потребление» используется в контексте коллективного использования товаров и услуг, обмена и аренды вместо владения. Основная идея совместного потребления заключается в переосмыслении процесса владения; в ряде случаев временный доступ к продукту или услуге гораздо выгоднее и удобнее.

В фокусе предлагаемого исследования находится феномен совместного (коллективного) потребления в пространстве города и его влияние на экономическую, социальную и экологическую ситуацию в городе. Особое внимание уделяется анализу физических и виртуальных площадок для обмена, таких как библиотеки вещей, car sharing и bike sharing (совместное использование автомобиля и велосипеда), обмен домами, навыками и знаниями, ограниченных пространством исследуемых городов, — Амстердама (Нидерланды) и Сеула (Южная Корея) с использованием качественных и количественных методов. Данные города были выбраны по причине официального провозглашения совместного потребления частью городской политики и поддержки со стороны правительства.

По результатам case study, в ходе полуструктурированных интервью с представителями власти в городах Амстердам и Сеул и анкетного опроса жителей этих городов было выявлено, что совместное потребление практически идеально подходит для жизни в городской среде, где вокруг так много соседей для взаимного обмена и аренды, а пространственный и финансовый ресурсы ограничены. Причем большую заинтересованность в продвижении и развитии совместного потребления проявили как сами жители, так и члены городских советов, которые видят в нем перспективные возможности для решения многих городских проблем. Кроме того, совместное потребление позволяет увеличить социальное взаимодействие, повысить доверие и чувство солидарности, а также оказать большое влияние на участие горожан в жизни города и их включенность в решение городских вопросов. Немаловажным является также и экологический аспект, так как обмен и предоставление в пользование различных вещей означает уменьшение производства и отходов, что может значительно улучшить экологическую ситуацию в городе.

**Минеева
Александра**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Таким образом, совместное потребление представляет новую модель организации потребления в городском пространстве, которая с течением времени может иметь большие перспективы развития.

Влияние университета на формирование экономики города (на примере Санкт-Петербурга)

В настоящее время проблема рационального территориального планирования университетских кампусов и вовлеченности университетской инфраструктуры в пространство города является одной из наиболее актуальных на Западе. Студенты оказывают значительное влияние на формирование экономики города и изменение модели поведения. Данные процессы свойственны и для России, поэтому наиболее интересным представляется исследование взаимодействия студентов и города, которое ведет к формированию студенческих пространств и включению университета в общегородскую среду.

Целью исследования стало изучение влияния студентов на расположение сети объектов обслуживания ежедневного спроса и возникновение студенческих кластеров на карте города. В результате были выявлены основные принципы, в соответствии с которыми формируются сети объектов торговли и обслуживания вблизи университетов.

Особенностью является изменение студенческой модели поведения и потребления в течение суток. Площадное использование территории во время обеденного перерыва, которое во многом зависит от удаленности объектов, сменяется на линейное. В этом случае очень заметно влияние студенческих потоков на формирование заведений общественного питания по своему пути следования к метро и другим транспортным узлам.

В результате исследования прилегающих к университетам территорий, были выделены три основных типа их взаимовлияния с университетом. Главной причиной формирования таких территориальных студенческих комплексов является возможность получения дополнительной прибыли, снижение издержек на рекламу и привлечение клиентов. Основным фактором расположения и существования помимо прочих является влияние студенческого спроса за счет большой плотности учебных заведений в округе, студенческого имиджа и популярности. Таким образом, образовательная среда служит актором для территориального размещения и взаимодействия объектов торговли и обслуживания городских территорий.

**Михайлюк
Марина**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Программный подход в управлении муниципальными финансами

**Морунова
Галина**

Санкт-Петербургский
государственный
экономический
университет

В современных условиях проблемы управления муниципальными финансами переведены из плоскости «самоуправления» в плоскость «самоуправления». Данная ситуация обусловлена тем, что 80% муниципальных образований имеют высокую зависимость от межбюджетных трансфертов и доходов, переданных по дополнительным нормативам. Что привело к изменениям законодательства в направлении ужесточения контроля и бюджетной дисциплины. Мониторинг финансов муниципальных образований показал, что данная ситуация характерна и для «благополучных» субъектов Российской Федерации. Так, при проведении исследования структуры источников финансового обеспечения (ИФО) муниципальных программ муниципальных районов Ленинградской области 2014–2016 годов, автором была получена следующая модель источников финансового обеспечения: $K_1 \text{ ФБ} + K_2 \text{ РБ} + K_3 \text{ МБ} + K_4 \text{ ПИ} (*)$

где ФБ — средства федерального бюджета; РБ — средства регионального бюджета; МБ — средства муниципального бюджета; ПИ — прочие источники / иные источники, в муниципальных программах это заемные средства, внебюджетные средства и т. д. $K_1 = 13\%$, $K_2 = 55\%$, $K_3 = 30\%$, $K_4 = 2\%$.

Полученная модель показывает, что фактически муниципалитеты управляют не только собственными бюджетными средствами, но и государственными, а также прочими источниками. Сохраняется ситуация, в которой, с одной стороны, декларируется самостоятельность муниципальных образований, с другой — муниципалитеты зависят от вышестоящих бюджетов.

На сегодняшний день, укрепление доходов местного самоуправления (МСУ) путем перераспределения налоговых и неналоговых доходов только меняет «маршрут» поступления одних и тех же денег, что фактически не приводит к увеличению местных бюджетов. Так как средства, которые направляются в виде налогов в региональные и федеральный бюджеты, в последующем используются для финансирования решения проблем на местном уровне. На наш взгляд, кардинально ситуацию может изменить принятие Государственной программы развития местного самоуправления с внедрением полученной модели финансового обеспечения (*). Что позволит «узаконить» сложившуюся ситуацию для местного само-

управления, при этом появится возможность консолидировать управление ИФО в рамках программы, а также решить следующие задачи:

1. Реализация принципа достаточности финансовых ресурсов МСУ (Хартия МСУ ЕС).
2. Возможность подготовки местного самоуправления к финансовой самостоятельности, преодолению экономического кризиса при внедрении программы в несколько этапов.
3. Взаимовязанность программ всех уровней власти, связанность показателей результативности и выстраивание цепочки эффективности между всеми уровнями власти.
4. Обеспечение сбалансированности местных бюджетов, снижение рисков неисполнения первоочередных расходных обязательств.

Таким образом, программный подход государства к управлению финансовым обеспечением, направленным на решение вопросов МСУ, позволит консолидировать имеющиеся ресурсы в преодолении экономического кризиса.

Прототип и открытый код — метафоры и инструменты совместного производства пространства

**Ненько
Александра**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Городское пространство - один из основных ресурсов города, который постоянно становится объектом социальных отношений и социального производства (Lefebvre 1974; пер. на рус. Лефевр 2015). Пространство, согласно А. Лефевру, отчуждается лицами, обладающими властью, за счет физического упорядочения и создания ментальных репрезентаций пространства в соответствии с нормами управления и контроля. Возможность создавать альтернативные пространства репрезентации, или проживаемые пространства, в которых можно действовать и чувствовать по-иному, не подчиняясь привычным (и навязанным) представлениям о пространстве, Лефевр считает способом преодоления отчуждения пространства. Именно поэтому Лефевр уделяет особое внимание художникам и творческим людям, которые способны создавать пространства репрезентации за счет художественного языка и альтернативных практик поведения в пространстве.

Партисипаторная архитектура - одна из форм создания пространств репрезентации в городе творческими способами и, что еще более важно, посредством соучастия горожан. Соучастие горожан делает процесс создания пространств открытым и совместным. Партисипаторная архитектура берет начало в 1960х в США, и сегодня распространена в Германии, Испании, странах Латинской Америки - странах, где разделяемая экономика (shared economy), в том числе, экономика знания, стали альтернативным способом производства и потребления в ситуации экономического кризиса. Движение 15М в Мадриде породило плеяду альтернативных архитектурных коллективов, отпочковавшихся от классических архитектурных институций и перешедших в плоскость архитектуры социальных процессов и архитектуры общественных пространств, одновременно представляющих собой и политическое движение, критикующее городские власти. Примерами подобных архитектурных коллективов в Мадриде являются Todos Los Praxis, Basurama, Zuloark; известнейший пример такого сообщества в Берлине - Raumlabor.

За счет включения горожан в процесс планирования и дизайна архитектурных форм в городском пространстве, переосмысления роли архитектора как медиатора социальных процессов (а не творца) и горожанина как создателя пространства (а не потребителя), архитектурные коллективы формируют не-капиталистический

способ производства городского пространства - совместное производство. В русле этой новой экономической логики развиваются технологии поддержания совместности и открытой трансляции знаний в сети Интернет. Например, испаноязычные архитекторы сформировали он-лайн платформу Inteligencias Colectivas, на которой публикуются в открытом доступе изображения и чертежи реализованных партисипаторных архитектурных проектов в разных городах мира. Новыми метафорами и инструментами совместного производства пространства стали “прототип” и “открытый код”. Прототип - социо-технический дизайн, который характеризуется открытостью своих технических и структурных оснований, включая доступ к его коду, его техническим и внешним спецификациям, документации и архиву. Открытый код обеспечивает открытый доступ к информации о прототипе и возможность достраивания прототипа, перенесенного в другой контекст. Эти метафоры и инструменты актуальны для рассмотрения и в контексте российских городов, для которых характерны такие проблемы, как отчуждение пространства от горожан, неравенство их ресурсов и прав, закрытость городских сообществ и засилие консьюмеризма по отношению к городу.

Динамика рынка фастфуд в мегаполисе

**Никифорова
Ольга**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

«Фастфуд» дословно переводится как «быстрая еда», однако в повседневной жизни жителей мегаполиса это понятие настолько укрепилося, что не требует перевода. На самом деле фастфудом правильно называть любое блюдо, которое молниеносно готовится, сервируется и так же быстро съедается, — это те блюда, которые готовятся в ресторанах или передвижных кошках быстрого питания.

Рестораны быстрого питания хотя бы раз в год посещают 68% россиян в возрасте до пятидесяти четырех лет. Впрочем, наиболее активными посетителями ресторанов быстрого питания остаются молодежь и россияне среднего возраста, которые составляют большую часть населения России. Среднемесячный доход большинства посетителей фастфуд-ресторанов не превышает тридцати тысяч рублей. Причины растущей популярности американского образца общественного питания несколько. Фастфуд остается одним из наиболее дешевых сегментов общественного питания. В современном мире большое значение приобретает экономия времени, а рестораны быстрого питания помогают сокращать затраты на утоление потребности в пище. Еще одним трендом можно назвать распространение моды на стритфуд. Сегодня быстрое питание является наиболее массовым сегментом. Наблюдается открытие все большего числа различных фастфуд-ресторанов (в том числе мест на фудкортах, фудтраки). При этом отмечается интересная тенденция: при росте предложения на рынке растут и цены у крупных игроков. Выдержать острую конкуренцию мелким компаниям помогает плавающая система скидок и программы лояльности.

Организация мегаспортивных мероприятий в мегаполисе (на примере XXXI Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро)

Роль мегаспортивных мероприятий в экономической и политической жизни мегаполисов сильно возросла. В докладе рассматривается типология спортивных мероприятий и показывается влияние мегаспортивных мероприятий на размер аудитории и социально-экономическую сферу, а также то, как культура мегаполиса накладывает свой отпечаток на проведение мегаспортивных соревнований.

Особое внимание уделено подготовке и проведению мегаспортивных мероприятий на примере летней Олимпиады в Рио-де-Жанейро в 2016 году.

Весь цикл подготовки и проведения Олимпийских игр — типичный политико-деловой цикл, имеющий свои отличия как от классического бизнес-цикла, так от политического делового цикла.

Олимпийский политический и деловой цикл состоит из трех этапов.

1. Преолимпийский, включающий:

1. 1. подэтап участия в борьбе за право принятия у себя Олимпийских игр (отбор городов-кандидатов и выбор столицы Игр) и
1. 2. подэтап подготовки к проведению Олимпийских игр (подготовка спортивной и другой инфраструктуры, апробация спортивных сооружений)

2. Олимпийский этап.

3. Постолимпийский этап.

Процедура выбора столицы будущей Олимпиады, включающая одиннадцать показателей, показана на примере выбора Рио-де-Жанейро в 2009 году.

Авторы выделяют три основные модели управления и финансирования мегаспортивных мероприятий, показывая, как они были реализованы в истории Олимпийских игр:

1. Модель государственного управления и финансирования (доля участия государства более 67%).

Нуреев Рустем

Финансовый университет при Правительстве РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Маркин Евгений

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма

2. Смешанная модель управления и финансирования (доля участия государства от 33% до 67%).

3. Модель частного управления и финансирования (доля участия государства менее 33%).

Анализ затрат и выгод позволяет определить структуру расходов и доходов в течение олимпийского делового цикла. Особое внимание уделяется структуре при подготовке Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро. Авторами также был проанализирован и систематизирован мировой опыт по организации и проведению олимпиад, особое внимание уделено предварительным социально-экономическим результатам XXXI Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро.

Города, инновации и использование человеческого потенциала

В постиндустриальной стадии основной экономической развития являются отрасли нематериального производства: наука, технологии, образование, торговля, туризм, финансы, страхование, здравоохранение. Ключевыми институтами новой экономики становятся университеты, информационные, научные, культурные и медицинские организации как центры сосредоточения теоретического и прикладного знания. Это неизбежно отражается на облике и функционировании городов как центров сосредоточения наукоемкого производства и квалифицированного персонала. Здесь формируется новый постиндустриальный облик экономики, которая включает услуги, высокие технологии, научные исследования, производство нестандартной промышленной продукции и новые производственные предприятия.

Данные изменения, создающие возможности для развития, происходят в условиях высокой конкуренции за финансовые, человеческие, административные ресурсы. В таких условиях главным фактором конкурентоспособности экономики выступает ускоренное развитие инновационной деятельности, воплощенной в новых научных знаниях, изделиях, технологиях, услугах, оборудовании, квалификации кадров, организации производства. Однако распространение новых научных знаний, технологий, услуг возможно только при наличии определенных условий, прежде всего институциональной среды, ресурсов и инфраструктуры, ускоряющей процесс разработки и распространения нововведений. Развитие двигают люди, их креативные и предпринимательские способности. При наличии определенных институциональных условий сокращается путь от идеи до массового распространения, и инновации становятся основным фактором в достижении успеха на рынках.

Одной из причин возникновения технологического и экономического застоя в современных российских условиях является невосприимчивость экономики к инновациям, обусловленная отсутствием конкуренции и спроса, низкой долей реальных ассигнований на науку; доля высокотехнологической продукции России составляет лишь 0,3%.

**Одинг Нина
Савулькин Лев**

Международный
центр
социально-
экономических
исследований
«Леонтьевский
центр»

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) создает возможность определить связь показателей образования, здоровья с ростом модернизации и осознать причины противоречий, заключающихся в сочетании высокого уровня образования с примитивной структурой экономики и незначительным экономическим ростом. Поэтому понятен возросший интерес исследователей к проблематике реализации человеческого потенциала. Однако результаты количественных исследований не позволяют объяснить, почему и за счет чего происходит трансформация человеческого потенциала в человеческий капитал в обществе, создает ли это накопление новые рабочие места, как используется накопленный капитал, при каких условиях происходит его деградация.

Большие города России (Петербург, Казань, Москва) создают особые возможности для высокой концентрации талантливой молодежи, которая, в свою очередь, находит возможности для стартапов, новых компетенций в организованном городском пространстве. Здесь создаются нормы институционального и социального поведения, поддерживающие интерактивное обучение, горизонтальное взаимодействие, облегченный способ обмена знаниями.

Тегеран: иранский мегаполис между традицией и современностью

Столица Ирана Тегеран не является городом с многочисленными следами центра некогда могущественного мусульманского государства, вроде таких современных мегаполисов, как Стамбул, Дели или Исфахан. Напротив, эта быстро разросшаяся столица стала олицетворением проблем развивающихся исламских стран: постоянные смог, автомобильные пробки, опасность катастрофического землетрясения и недоразвитость социальной инфраструктуры делают Тегеран одним из худших для проживания городов-миллионников в регионе. Однако он обладает рядом привлекательных для исследователя черт: в нем в рамках единого социального организма сочетаются пласты и модели из разных эпох: от примитивных аграрных и торговых элементов до постиндустриального общества.

Исторически Тегеран строился по схеме, когда базовым элементом выступал квартал — махалле, — где селились люди, объединенные не по классовому признаку, а по принципу принадлежности к той или иной этноконфессиональной группе. Эта традиция достаточно крепко вплелась в городскую ткань, сумев пережить реформы династии Пехлеви (1925–1979), в годы правления которой стала ощущаться еще и материальная дихотомия между богатым «прогрессивным» севером города и бедным «отсталым» югом. Эта разница продолжает ощущаться и после революции 1979 года, поскольку приводящая к социальному расслоению сырьевая экономическая модель сохраняется и в эпоху Исламской республики.

В последние десятилетия, несмотря на формально провозглашенный курс на исламизацию, Тегеран стал форпостом процессов вестернизации — причем более глубоких и основательных, чем то имело место при декларативно прозападном шахском режиме. В подтверждение данного тезиса автор представляет, в том числе, свои личные наблюдения, сделанные во время пребывания в Иране.

Павлов Дмитрий

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Исторические аспекты развития городов

Панич Наталья

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

Города издревле являлись центрами экономического развития стран. По подсчетам историков и археологов, в эпоху Средневековья было основано до десяти тысяч городов. Средневековые города отличались от античных и современных сравнительной малочисленностью.

Монастырь, замок, аграрное поселение — значимые элементы средневекового общества. В городском поселении появляются люди нового рода деятельности, для которых не было найдено обобщающего термина. Горожане хотели быть частью структуры средневекового общества, добиться привилегий. Город — это поселение, большая часть жителей которого занята не аграрными формами труда. Но такое поселение, в отличие от деревни, быстро притягивает к себе жителей. Очень рано появляется пословица «городской воздух делает свободу». Первая привилегия, которую получают города, — статус лично свободного. Если основное население средневекового города — это ремесленники и торговцы, то античный город — это крупные землевладельцы. Античный город является центром политическим, административным и в нем не пристало заниматься торговлей и ремеслом. В средневековом городе соборная площадь выполняет функции рынка.

По типу выделялись столичные города (Лондон, Париж), где были университеты, определявшие жизнь и ритм города; другая разновидность — аграрные города, основная часть жителей которых связана с товарно-аграрным производством.

В средневековом городе социальная структура выражена не четко. Впоследствии начинается формирование городского сословия — это торгово-ремесленное население города и масса городских бюргеров, которые имели полноправие (то есть люди, платящие налоги и владеющие собственностью). Но категории частной собственности как таковой нет — как правило, это корпоративная собственность, поскольку преимущественное большинство населения состоит в корпорациях (цехах). Данная структура не характерна, например, для юга Франции, все регламентирующие функции берет на себя муниципалитет.

До XII века торгово-ремесленное население города представляет собой во многом единую массу (купец, торговец, ремесленник в одном лице). Исключение составляют северные города Италии, где процесс расслоения происходит быстрее.

Только в итальянских городах к торговцу относятся с уважением. В перспективе городское население будет разделено на пять групп по имущественному и социальному положению. На высших ступенях социальной лестницы — купцы и старшие цехов (ювелиры, нотариусы). Есть группа, находящаяся на «границе» — мастера бедных цеховых организаций, ткачество, мелкие торговцы, также весь слой подмастерьев. С образованием городов появлялась группа тех, кто не входил в цеха, чаще всего это были пришедшие из деревень крестьяне. Также был полумаргинальный слой бедняков, убиравших улицы, к этому слою относились также цирюльники, банщики. Расширялась группа, которая промышляла мошенничеством. Город постоянно самоочищался, социальные слои достаточно четко выравниваются уже к XIII веку. Город — ядро, где занимаются производством и торговлей, вокруг него формируются различные социальные группы.

Свободный горожанин платит налоги, занят каким-то определенным узаконенным делом. Через какое-то время выделяется группа интеллектуалов (учителя, аптекари), которые пользуются всеми городскими привилегиями. Также был распространен ценз собственности: кусок корпоративной собственности в цехе либо обладание земельной собственностью городского держания.

Город — это ячейка социальная, культурная, экономическая, которая лежит в основе европейской цивилизации. Город как определенный комплекс позволил Западной Европе сформировать общество модерна. Город — главный источник социальных изменений.

«НОВЫЕ ЭКОНОМИКИ» — ЧТО В НИХ НОВОГО?

Паченков Олег
Европейский
Университет
в Санкт-Петербурге

В рамках подготовки к международной конференции «Экономическая культура мегаполиса» в Петербурге было проведено пилотное исследование, объектом которого стали так называемые новые экономики — набор активностей, имеющих прямые или опосредованные экономические эффекты, чье возникновение связано с новыми социальными и культурными паттернами, возникшими в последние десятилетия, но прежде всего — с новыми технологиями (ИТ).

У явлений, которые участники проекта условно объединили под общим определением «новые экономики», нет устоявшихся названий, но в их ряду можно было бы перечислить следующие: «разделенная», или коллаборативная экономика (shared), экономики, построенные на принципе «крауд» (crowd — крауд-сорсинг, крауд-фандинг и т. п.), экономика общих благ (commons), а также хорошо известные, но принимающие новые формы благодаря новым технологиям second-hand /recycling экономики и экономика DiY.

В частности в фокус участников исследовательской группы попали следующие проекты: Uber, Blablacar, AirBnB, Отдам даром в СПб, SwapShop, Sales Питер и другие.

Перечисленные явления сильно разнятся, однако, согласно гипотезе исследовательской команды, обладают рядом общих черт, заключающих в себе определенную новизну в сравнении с устойчивыми форматами экономических и бизнес моделей XX века. На уровне гипотезы для пилотного исследования к таким чертам были отнесены следующие:

1. Опора на технологии: ИТ как основной инструмент и ключевой элемент работы, при этом одной из самых важных черт используемых технологий является обеспечиваемая ими массовость участия (не только потребителей, но и производителей услуг/продуктов).
2. Опора на принцип коллаборации (co-production/prosumption, shared economy, peer-production): в основе лежит необходимость для участников сервиса/проекта быть задействованными в со-производстве (информации/услуг/продуктов), чтобы иметь возможность их потреблять.

3. В основе лежит сетевой/распределенный принцип — избегание (реально или имитация, но в любом случае это важная характеристика) «руководящего центра», иерархии, упор на peer-production, peer-control.

4. Минимальный входной барьер для участия в работе проекта/сервиса в качестве как потребителя, так и со-производителя, что достигается при помощи рассматриваемых ниже технических и организационных моментов.

В начале исследования — на основе предварительной подготовки — участниками проекта были сформулированы следующие исследовательские гипотезы:

1. Мы наблюдаем появление феномена в экономической сфере, обладающего качественно иными характеристиками; их инаковость заключается:

а) с одной стороны, в новой констелляции уже знакомых элементов (отношений, институтов);

б) с другой — в появлении новых элементов (в частности, высока роль ICT, гаджетов).

2. Эта новизна также связана с трансформацией социальных, культурных, экономических и политических отношений, лежащих за пределами непосредственно экономических отношений, но находящих в последних свое отражение, — и это определяет отличия в локальных контекстах при реализации конкретных проектов в рамках «новых экономик» (например, в российском и в других странах).

В рамках доклада и следующей за ним секции будут представлены основные результаты пилотного исследования в соответствии с изложенными выше исследовательскими фокусами и гипотезами.

Бизнес и искусство: будущее индустриальных территорий. Уральская индустриальная биеннале как инструмент развития городского пространства

**Пискунова
Лариса
Старостова
Людмила**

Уральский
федеральный
университет

Осенью 2015 года в Екатеринбурге проходила Третья Уральская индустриальная биеннале современного искусства. Это событие было самым обсуждаемым в культурном, политическом, художественном поле города. Биеннале, как специфический институт в рамках художественной системы, участвует и влияет на взаимодействия искусства и социального, городского локального поля и мировой сферы, экономической активности и трендов урбанистического развития.

Янков Игорь

Уральский
государственный
университет путей
сообщения

В проблемном поле нашего исследования находятся эффекты формирования институциональной среды современного города, связанные с проведением биеннале в региональном центре, механизмы выстраивания и взаимодействия с мировыми центрами современного искусства и известными биеннале, практики вписывания локальных арт-пространств в мировой художественный контекст и одновременно механизмы взаимодействия и воздействия их на местную как культурную, так и экономическую среду.

Биеннале поставила один из важнейших для города вопросов: где искать точки пересечения интересов «города», «общества», «бизнеса», «власти», каковы языки для их коммуникации?

Анализ опыта проведения трех уральских индустриальных биеннале (2010, 2012 и 2015 годы) позволяет сделать ряд выводов.

1. Специализация уральской биеннале на постиндустриальном наследии, предопределяющая как тематическую идеологию этой выставки, так и выбор мест ее проведения, оказывает стимулирующее воздействие на развитие общественной дискуссии о месте индустриального наследия в современной идентичности Екатеринбурга.
2. Артистические практики, выстроенные вокруг индустриального культурного наследия, позволяют разнообразно артикулировать широкий спектр тем, связанных с локальной идентичностью.
3. Как показывает результат социологического опроса, проведенного во время

Третьей Уральской биеннале, ее формат выполняет значимую функцию создания питательной среды для вовлечения представителей молодого поколения в процесс игрового переосмысления исторической идентичности города в контексте актуальных социокультурных процессов.

Наряду с биеннале в Екатеринбурге регулярно проходит крупная международная выставка «Инопром», которая также является способом включения города в мировые экономические и символические поля. Сопоставление этих выставок — биеннале современного искусства и «Инопрома», — как организационных и символических событий позволяет анализировать различные тенденции в развитии города Екатеринбург.

Прекаризация труда и самозанятость: расцвет экономики совместного пользования

Платонова Юлия

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Труд перестал быть прежним; увеличивающееся число прекариата (работники, вовлеченные в нестабильные, незащищенные трудовые отношения), рост неустойчивых форм занятости — реальность. Прекаризация труда — ситуация трансформации, нормой в которой является неполная и частичная занятость, преобладание краткосрочных контрактов над долгосрочными, заемный труд.

Поиски альтернативных способов получения заработка, изменение ценностей и стиля жизни приводят к тому, что организации перестают играть единственно важную роль в создании новых рабочих мест, горожане создают их сами. Самозанятость городского населения и ее характер (формальность/неформальность, легальность/нелегальность) являются одними из ключевых показателей уровня социально-экономического развития города.

Оказание различного рода услуг, обмен не только товарами, но и знаниями, навыками, практики дарообмена — не полный список возможностей экономики совместного пользования (sharing economy). Важно подчеркнуть, что люди взаимодействуют непосредственно друг с другом. В данном типе экономики особую роль играет репутация, так как она является инструментом построения доверия между участниками. Если ранее ситуация, в которой человек готов впустить незнакомца в свой дом или одолжить какую-либо вещь на время, представлялась невозможной, то сейчас она становится обычной.

Более того, такие площадки как сайт [taskrabbit \(www.taskrabbit.com\)](http://www.taskrabbit.com) или русский аналог [youdo \(https://youdo.com\)](https://youdo.com) являются по сути биржей труда. Экономика совместного пользования открывает новые возможности для обеспечения самозанятости.

В рамках данного исследования используется количественный анализ динамики создания новых рабочих мест в традиционных крупных компаниях и компаниях (стартапах/онлайн-площадках), которые относятся к экономике совместного пользования.

Акцизы на пиво: роль в региональном экономическом развитии

Поэтапное повышение акцизов на пиво, предусмотренное Законом об индексации ставок акцизов в 2015–2017 годах, призвано решить для государства две во многом противоречивые задачи: сократить потребление пива населением и содействовать росту соответствующих налоговых поступлений в федеральный и региональные бюджеты. Вместе с тем, вопрос об увеличении ставок акцизов на пиво не столь однозначен. С одной стороны, в условиях сокращения потребительской активности населения из-за снижения доходов и роста цен в кризисный период под удар попадает пивоваренная отрасль, имеющая важное значение для отдельных регионов РФ (это, в частности, актуально для экономики Санкт-Петербурга). Как следствие, сокращаются соответствующие налоговые поступления в бюджет региона (акцизы, НДС, налоги на прибыль и налоги на доходы физических лиц). С другой стороны, в РФ начинают проявляться серые схемы импорта пива из стран ЕАЭС, а также отмечается переключение низкодходных групп населения на низкокачественный (в том числе нелегальный и суррогатный) алкоголь. Кроме того, стремление полностью передать вопросы налогового администрирования акцизов на пиво из регионального бюджета в федеральный не отвечает задачам устойчивого развития регионов, в особенности Санкт-Петербурга как крупнейшего мегаполиса на Северо-Западе России.

В докладе наряду с зарубежным опытом решения соответствующих проблем будут рассмотрены следующие вопросы взимания акцизов на пиво на региональном уровне (на примере Санкт-Петербурга): роль акцизов на пиво в формировании доходной части регионального бюджета, включая значимость пивоваренной отрасли для экономики отдельных мегаполисов РФ; влияние повышения акцизов на пиво на их собираемость в современных условиях, а также на рост потребления других видов алкоголя; перспективы полной передачи налогового администрирования акцизами на пиво из регионального бюджета в федеральный.

**Погорлецкий
Александр**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Интегрирование финансов бюджетного (некоммерческого) сектора города

Подольнец Лада

Санкт-Петербургский
государственный
горный
университет

Утвержденный региональный бюджет на 2016 год показал значительную неопределенность в реализации как стратегического, так и тактического планирования финансовой политики. Уменьшение объема финансовых ресурсов, ограниченное требованиями указов Президента, Бюджетным кодексом, стандартами и требованиями нормативов финансирования поставило бюджетную сферу в сложное положение с 2013 года и на длительную перспективу.

К проблемам Санкт-Петербурга в этом направлении можно отнести:

1. Крайне недостаточную проработанность текущего положения и перспектив развития бюджетной сферы в основных нормативных документах города, включая Стратегию социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года.
2. Практически полное отсутствие дорожной карты по региональным инвестиционным программам в сфере культуры, социально-экономического развития и т. д.
3. Отсутствие для бюджетной сферы критериев использования бюджетирования, ориентированного на результат (БОР-навигаторов), что не позволяет максимально эффективно использовать ограниченные ресурсы для достижения заданного результата.
4. Казенная форма организации, не стимулирующая коммерческое развитие.
5. Незнание своих финансово-экономических и инвестиционных возможностей в организациях и учреждениях.

Укрупненно: город не связывает свое благополучие и развитие с организациями бюджетной сферы, видя в них только исполнение расходных обязательств и обузу для бюджета города; сами же бюджетные организации и учреждения не видят возможности своего внебюджетного существования.

Так как можно констатировать, что ситуация в сфере государственных и муниципальных финансов с течением нескольких лет не улучшится, то необходимо трансформировать текущие финансовые взаимоотношения.

По нашему мнению, изменения могут быть реализованы в следующих направлениях:

1. Следует оценить инвестиционную привлекательность организаций данной сферы для себя и для города, что в-первую очередь должно быть связано с РГИС (региональной геоинформационной системой), а также с Генеральным планом развития города, с точками привлекательности для граждан и предприятий (по разработкам Института проблем региональной экономики РАН) и прочим методикам. Понимание своей рыночной стоимости позволит повысить как капитализацию организации, так и совокупную капитализацию города, что может привлечь дополнительный интерес.

2. Адекватная оценка позволит использовать набор финансовых инструментов для решения текущих задач и перспективного развития, в том числе по возможным коллаборациям (культура / туризм / образование / социальная сфера / здравоохранение). По результатам принятых решений возможно внести изменения в заявки по госзакупкам.

3. Часть финансовых и организационно-экономических задач может быть решена на типовой основе для массы организаций со схожими проблемами. Как показал четырехлетний анализ тем дипломных работ по заказу Комитета по науке и высшей школе (КНВШ), у различных учреждений культуры, социальной сферы — одни и те же финансовые проблемы из года в год, часть из которых они пытаются решить за счет студентов и их руководителей. Если в 2012 году заявок на конкурс было 80, то на 2016 год — 399.

4. Для перевода идей из учебной сферы в практическую плоскость необходимо создание на постоянной основе площадок (лабораторий), объединяющих данные организации, студентов, вузы и соответствующие комитеты города. Должна быть интеграция коммерческих, некоммерческих, административных, научных и практических возможностей.

5. По результатам конкурсов КНВШ, по просьбе автора доклада, губернатор дал указание комитетам финансов и экономического развития «наладить взаимоотношения с научным сообществом». Полугодовые взаимодействия показывают перспективы развития данного направления, и, конечно, существует огромный резерв роста.

Социальный капитал в городе — что, где и зачем?

Полищук Леонид

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»,
Москва

Социальный капитал, понимаемый как способность к совместным действиям ради общей цели, находит в современных городах разнообразное применение — от сетевых инициатив и обустройства территории до политической активности и общественного самоуправления. Социальный капитал часто рассматривается как альтернатива государственному и муниципальному управлению; между тем одна из важнейших функций социального капитала заключается в участии граждан в демократических процедурах принятия решений и эффективном контроле над администрацией, уполномоченной действовать в интересах общества. Реализация указанной функции требует особой разновидности социального капитала — гражданской культуры. В докладе рассматривается взаимосвязь гражданской культуры и традиционного «низового» социального капитала в современной городской среде. Гражданская культура повышает качество муниципального управления и удовлетворенность жизнью в российских городах, тогда как аполитичная «низовая» самоорганизация может отрицательно влиять на положение дел в городе.

Дефицит гражданской культуры на микроуровне не позволяет эффективно распоряжаться общей собственностью в жилых домах, вследствие чего могут оказаться бездействующими товарищества собственников жилья. Неспособность использовать преимущества «республики на дому» в виде ТСЖ воспроизводит «парадокс социального капитала», когда самоуправление жилыми домами замещается неподконтрольным «внешним управлением», несмотря на его низкую эффективность. Вместе с тем недовольство муниципальными услугами приводит к их замещению «клубными благами» в пределах огороженных жилых комплексов. Такая практика отражает ограниченный радиус «низового социального капитала» и не является полноценной альтернативой эффективному муниципальному управлению. Тем не менее, подобные локальные инициативы нередко поддерживаются властями, предпочитающими уход гражданской энергии в проекты «сделай сам» по месту жительства.

Социальный капитал в российских городах находится в переходном состоянии — пропорции между гражданской культурой и закрытым социальным капиталом варьируются в пространстве и меняются со временем. Культура обладает значи-

тельной инерцией и воспроизводится социализацией в семье и обществе, но при этом испытывает воздействие экономического развития и возросшей потребности в качественной городской среде. Взаимодействие этих факторов во многом определит будущее развитие российских городов.

Право на город: интересны ли жителям города его публичные пространства?

**Прокофьева
Алена**

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Публичные пространства в современных городах зачастую рассматриваются как основа для формирования территориальной идентичности, пространства для «диалога» и публичной жизни. Публичные пространства — это своеобразные анклав, в которых протекает ряд важнейших социальных процессов, связанных с жизнью города. В этой связи говорят о необходимости создания и развития существующей в каждом конкретном городе системы публичных пространств. Во многом вывод вопроса о создании публичных пространств в область публичного обсуждения и принятия политических решений зависит от инициативы властей на местном и региональном уровнях. К примеру, в Перми проблематика публичных пространств поднималась, пока администрация предыдущего губернатора О. Чиркунова была заинтересована в осуществлении «Пермского культурного проекта». Одной из ключевых идей данного проекта было формирование новой креативной городской среды, которая станет локомотивом изменений в регионе и центром модернизации. В мастер-плане города созданию системы публичных пространств уделялась немалая доля внимания; как властями, так и местным сообществом инициировались проекты по преобразованию городской среды. В качестве примеров можно привести реконструкцию части улицы Пермская и преобразование ее в пешеходную, фестиваль уличного искусства «Экология пространства», созданный по инициативе пермской стрит-арт-команды «Kreafish.ru» и Музея «Советского наива», который проводился в течение нескольких лет. Стоит заметить, что фестиваль «Белые ночи» — один из ключевых пунктов «Пермской культурной революции» — предполагал трансформацию пространства обычно пустующей городской эспланады в публичное место. Такая трансформация как раз была созвучна идее о том, что публичные пространства должны быть открыты как для разных групп, так и для разных приписываемых им смыслов. Разные «публики» с отличными от других интересами, стилями и эстетиками должны иметь возможность вписывать в городские пространства свои события и мероприятия, таким образом расширяя культурный горизонт тех, с кем они разделяют жизнь в городе. Со сменой власти в Перми сама проблематика публичных пространств уходит из сферы общественного обсуждения. Фестивали прекращают свое существование, меняются места их проведения (не предполагающие вышеуказанную трансформацию пространства), некоторые созданные публичные пространства

приходят в запустение и остаются невостребованными, художникам в сфере публич-арт сложнее находить финансовую поддержку и получать разрешение на реализацию проектов.

Привычно слышать о краткосрочности инициатив и смене векторов градостроительной политики, которая не предполагает выстраивание логичного и систематического развития открытых публичных пространств, о частичной открытости данной сферы принятия решений для всех акторов. Однако в данной сфере обсуждения общественных вопросов не слышно голоса самих городских жителей. Публичные пространства многими авторами мыслятся, как способные разрешать проблему анонимности и отчужденности городского образа жизни. Самоорганизация, которую способны индивиды проявлять в публичных пространствах, способствует развитию чувства сопричастности и приобщения, проявлению автономности в противовес тенденциям к атомизации и разрушению общностей. Однако с современными публичными пространствами ситуация обстоит таким образом, что те, для кого эти пространства предназначены, попросту не хотят их осваивать как «свои». С одной стороны, коммерциализация публичных мест ведет к формированию не граждан, а потребителей, для которых они интересны лишь с точки зрения тех практик потребления, которые они могут в них осуществлять. Потребители могут разделять общее физическое пространство, не создавая при этом пространства коммуникативного, поскольку не вступают в реальное взаимодействие. С другой стороны, определенные группы, стремящиеся использовать публичные пространства в своих интересах в определенных временных рамках, сталкиваются с тем, что эти попытки рассматриваются как приватизация пространства и признаются нелегитимными. Политика жесткой охраны публичных мест от посягательств определенных групп граждан ведет к тому, что они принадлежат всем сразу и никому конкретно, поэтому собственно и остаются пустыми и невостребованными. Вместо того чтобы быть многофункциональными, трансформирующимися в зависимости от нужд различных групп и социокультурного контекста, наполняемыми разными видами деятельности, объектами и процессами причем как «сверху», так и «снизу» то есть самими жителями города.

Все, что я знаю об уличном искусстве

Радя Тимофей

художник,
стрит-арт

В основе моего выступления — краткий «кодекс правил», составленный за шесть лет работы. Можно обозначить три основные части.

1. Что такое уличное искусство? Проблема определения, отношение теории и практики в ситуации, когда важна только практика. Знать — значит делать. Принципы анонимности и бесплатности движения. Отношение «внутреннее-внешнее» как суть уличного искусства. Роль временности и категорий «свой-чужой», «свое-общее» как экзистенциальных и социальных границ уличного искусства.

2. Как работает уличное искусство? Связь между частями, которые не должны быть связаны. Лицо современного русского города. Болезненность и бесконечность повседневности, противоядие нелегального искусства. Вандализм укрепляет организм — заметки о работе полиции. Поэтический и политический жанр уличного искусства — разность целей и средств.

Проблема контекста и поиска места для проекта.

3. Как делать уличное искусство?

Ключевые проекты и истории.

Глобальные города и транспортные пробки

Глобализация трансформирует мегаполисы в глобальные города, становящиеся центрами всемирной экономики, политики, социальной и духовной жизни. Глобальные города — это результат глобализации и ее движущая сила одновременно. Одной из важнейших проблем развития глобальных городов являются транспортные пробки. Существуют эмпирические исследования, посвященные проблеме пробок, и в первую очередь исследования известной голландской аналитической компании TomTom. Согласно ее Индексу городского движения за 2014 [TomTom Traffic Index Measuring congestion worldwide [Электронный ресурс] http://www.tomtom.com/en_gb/trafficindex/#/list], первая двадцатка самых «пробкоопасных» городов мира выглядела следующим образом (в порядке убывания): Стамбул, Мехико, Рио-де-Жанейро, Москва, Сальвадор, Ресифе, Санкт-Петербург, Бухарест, Варшава, Лос-Анджелес, Тайбэй, Чунцин, Рим, Тяньцзинь, Пекин, Лондон, Гуанчжоу, Марсель, Чэнду, Ванкувер. Эти города логично разделить на следующие основные группы: а) латиноамериканские города (четыре города), б) города Восточной Европы (четыре), в) китайские города (шесть), г) города развитых капиталистических стран (четыре). Вне этой классификации остаются турецкий Стамбул и тайваньский Тайбэй.

Как объяснить данную иерархию «пробкоопасных» глобальных городов?

Примечательно, что транспортные пробки терзают в первую очередь не города развитых стран с характерным для них самым высоким в мире количеством автомобилей на тысячу человек, а города развивающихся стран, в которых автомашин относительно немного. На наш взгляд, дело заключается в исторических истоках данных городов. Город как специфическое социально-территориальное явление обладает автономией по отношению к обществам, в которых он существует. Эта автономия проявляется в особенностях жилищного фонда, организации пространства, инфраструктуры, транспортных коммуникаций и т. д. Например, город, возникнув в Античности или Средневековье, продолжает существовать и в капиталистическую эпоху, сохраняя в неснятом виде свои докапиталистические черты. Стамбул, латиноамериканские города и отчасти китайские города из вышеупомянутой двадцатки возникли в докапиталистическую эпоху, и их характеристики во многом связаны с основаниями, связанными с докапиталистическими способа-

Рахманов Азат

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

ми производства. Города Восточной Европы, включая Москву и Санкт-Петербург, отчасти и китайские города во многом сформированы социалистической экономикой и градостроительством. Некапиталистические характеристики названных городов вступают в острое противоречие с их развитием в качестве центров глобальной капиталистической экономики с соответствующей сверхвысокой интенсивностью перемещения людей и товаров. Рим, являясь столицей развитой страны, сохраняет многие черты своего античного и средневекового прошлого (тесная застройка, обилие исторических достопримечательностей и т. д.), что и служит основанием возникновения пробок. Что касается вполне капиталистических Лос-Анджелеса, Тайбэя, Лондона, Марселя, Ванкувера, то, вероятно, актуальность проблемы пробок для них следует объяснить характерным для них очень высоким рангом глобальности.

Траектории развития коворкинг-пространств в современном Санкт-Петербурге

Первые коворкинг-пространства появились около десяти лет назад в США (2005 год, Сан-Франциско), и за прошедшие годы количество коворкингов по всему миру увеличилось в сотни раз (к 2011 году в США насчитывалось более семисот). С 2010 года реализуется глобальное исследование коворкингов, поддерживаемое компанией Visa (Global coworking survey), в разных странах регулярно проводятся научно-практические конференции, посвященные созданию и развитию коворкинг-пространств. Они возникли как альтернатива различным кофейням, которые являлись излюбленным местом работы фрилансеров.

Авторами было реализовано исследование, направленное на выявление основных причин работы в коворкинг-пространствах и анализ специфики их функционирования в России.

Полученные данные показали, что специфика западного стиля работы присуща и России; здесь, как и в коворкингах США и Европы, работают преимущественно малые и социальные предприниматели, IT-специалисты, PR-специалисты, фрилансеры, Event-менеджеры и т. д. Различия были обнаружены лишь по двум аспектам: нестандартные причины работы в коворкинге и основная деятельность коворкеров. Под стандартными причинами понимаются низкая цена за рабочее место, удобное местоположение, гибкая организация пространства и т. д. Российские же коворкеры выделили такие причины, как особая рабочая атмосфера и новые знания о возможностях. Основная деятельность коворкеров также различается: на Западе коворкеры занимаются созданием новых и инновационных продуктов, российские же коворкеры распространяют новые товары по микро-нишам рынка товаров и услуг, а также занимаются организацией мероприятий различного рода и характера.

Анализ деятельности коворкингов в России, прежде всего в Санкт-Петербурге, показывает, что в современных экономических и социокультурных условиях, коворкинг-пространства могут развиваться как вид социального предпринимательства, ориентированный не на чисто коммерческую деятельность. И наиболее оптимальной базой для развития таких пространств и площадок могут стать вузы. Данные проведенного исследования показали, что наиболее эффективным коворкинг-пространством в Санкт-Петербурге являлась площадка Change lab.

**Родионова
Елизавета
Черток
Анна-Ребекка**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Урбанизация и неопределенность: посткейнсианский подход

**Розмаинский
Иван**

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»

Цель нашей работы — попытаться дать новое объяснение процессам урбанизации и деурбанизации, происходившим в прошлом и имеющим место в настоящем. Это объяснение делается на основе посткейнсианского подхода, самой важной чертой которого является акцентирование неопределенности. С точки зрения посткейнсианцев, экономические системы различаются между собой главным образом тем, как их институты справляются с проблемой неопределенности. Чем сильнее институты той или иной экономической системы снижают неопределенность, тем эффективнее такие институты, и тем более успешной оказывается такая система.

В нашей работе мы формулируем гипотезу, согласно которой урбанизация является процессом, связанным со снижением неопределенности. Городская среда и институциональная структура, способствующая безличному обмену, неразрывно связаны. С одной стороны, урбанизация позволяет избавиться от давления родственных и соседских отношений; с другой стороны, она создает предпосылки для развития технологий, устраняющих зависимость людей от природы. Иными словами, урбанизация возможна лишь при появлении более эффективных институтов, чем прежде.

Здесь же мы пытаемся разгадать две загадки — низкого уровня урбанизации и деурбанизации в постсоветской России. В России середины «нулевых» годов было 167 больших городов (согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, их 164), тогда как в США на почти вдвое меньшей территории их 276 (по переписи 2010 года). При этом с конца 1980-х годов и до настоящего времени наблюдалась депопуляция целого ряда российских городов — Иркутска, Владивостока, Хабаровска, Магадана, Комсомольска-на-Амуре, Петропавловска-Камчатского, Нижнего Тагила, Твери, Архангельска, Мурманска и других. В целом доля сельских жителей в России увеличилась с 26,3% в 1990 году до 27% в 2005 году. Выдвигаемая здесь дополнительная гипотеза состоит в том, что наблюдаемая в последние два десятилетия деурбанизация является реакцией на неэффективные институты, образовавшиеся в ходе реформирования нашей страны после распада СССР. Частая изменчивость законов вкупе с возможностями их произвольного применения чиновниками и неэффективной защитой прав собственно-

сти и контрактов повысили общий уровень неопределенности в экономике и привели среди прочего к деиндустриализации российской экономики, «теневой стороной» чего стала деурбанизация. Не случайно официальная статистика говорит о тридцати пяти миллионах дачников в России — это около 40% всего городского населения. Однако в эту цифру не включены горожане, имеющие в собственности деревенские дома, а также самозахваты земельных участков.

Влияние религии на социальные практики питания (на примере индустрии «Халяль»)

Сабиров Игорь

Санкт-Петербургский государственный университет

Мусульмане, проживающие в городе, сталкиваются с существенными рисками в приобретении товаров или услуг, не соответствующих религиозным нормам. Эти риски являются одними из основополагающих факторов в формировании бренда «Халяль».

Изначально индустрия «Халяль» формировалась как социальный заказ мусульманского общества в удовлетворении сакральных потребностей (поклонение Богу посредством соблюдения пищевых ограничений). Достижения в биохимии, пищевой химии и генной инженерии способствовали синтезу новых продуктов и пищевых добавок, попадающих под категорию запрещенных в Исламском праве. Внедрение их в производство продуктов питания послужило в качестве катализатора активного развития индустрии «Халяль». В то же время, с точки зрения обычного потребителя пищевые добавки и ГМО-продукты могут оказывать негативные для здоровья последствия, что выступило одним из факторов возникновения современного тренда, удовлетворяющего потребность общества в здоровой и безопасной пище. С целью привлечения потребителей, не заинтересованных в сакральных качествах продукта, представители индустрии, ранее ориентированные исключительно на потребителей-мусульман, в настоящее время стремятся адаптировать продукт «Халяль» согласно современному тренду, и тем самым оказывают влияние на практики питания потребителей — не мусульман.

Глобализация и характерная для нее интенсивная международная торговля делают возможным экспорт продуктов питания, не соответствующих нормам Исламского права, на мусульманский рынок, выступая таким образом фактором формирования центров стандартизации и сертификации продуктов и услуг «Халяль». В результате представители индустрии получают возможность внедрять стандарты «Халяль» как внутри своей страны, так и вне ее на предприятиях и мясокомбинатах, ранее не заинтересованных в сертификации собственной продукции, но в настоящее время вынужденных адаптироваться к требованиям исламского рынка.

Таким образом, индустрия «Халяль» является социально-экономической и культурной конструкцией, в формировании которой участвуют: потребители мусульмане и не мусульмане; центры стандартизации и сертификации; производители продуктов питания, пищевой химии и продуктов, содержащих ГМО.

Города-регионы в системе бюджетного федерализма России: точки роста или фактор неравномерного развития?

Города-регионы как точки концентрации финансовых и человеческих ресурсов в условиях глобализации стали «двигателями» национальных экономик и мировой экономики в целом [Florida, 2008; Storper, 2011; Krugman, 1999]. Несмотря на то, что города-регионы занимают «привилегированную» позицию в современной экономике (в том числе за счет преференций и специальных условий, предоставляемых им в рамках системы бюджетного федерализма), факторы, связанные с их ростом и развитием не однозначны. В связи с этим, выявление и изучение драйверов экономического роста городов-регионов является актуальным направлением современных урбанистических и региональных исследований.

К традиционным факторам развития городов обычно относят: качество человеческого капитала, уровень развития предпринимательства (малого и среднего бизнеса) и взаимосвязь города с внешним миром [Glaser, 2011]. В настоящей работе также предлагается рассмотреть бюджетный федерализм (как систему распределения доходных источников, расходных обязательств и межбюджетных трансфертов между различными уровнями бюджетной системы) в качестве одного из факторов, дифференцирующих развитие городов-регионов и других регионов (и городов). Так, тестируется гипотеза о том, что статус города-региона (или особый федеральный статус) является драйвером его экономического роста, поскольку такие города, располагая де-факто большими полномочиями в сфере экономической и бюджетной политики, чем остальные территории, могут извлекать дополнительные экономические выгоды из сложившейся системы бюджетного федерализма. Примерами этих городов могут служить Брюссель и Берлин [Barani, 2011], Манчестер [O'Brien et al., 2014], Торонто, Монреаль, Ванкувер и Оттава [Slack, Bird, 2006].

В рамках данного исследования на примере двух городов-регионов России (Москвы и Санкт-Петербурга) изучается вопрос о взаимосвязи существующей модели бюджетного федерализма и городского / регионального развития, а также о том, как существующая модель федерализма связана с развитием пространства в целом — создает ли она новые точки роста или является фактором усиления неравенства между территориями.

**Слепухина
Ирина**

Институт
региональной
географии — IfL,
Германия

Юшков Андрей

Международный
центр социально-
экономических
исследований
«Леонтьевский
центр»

Эволюция экономического поведения горожан и символическое потребление

**Солодовников
Сергей**

Белорусский
национальный
технический
университет

Сегодня и в экономической науке, когда некоторая часть научного сообщества убеждена в том, что применение тех или иных экономических теорий и практик, доказавших свою состоятельность двадцать, тридцать, пятьдесят и более лет тому назад, позволит решить сегодняшние непростые проблемы. При этом не так уж и важно, что именно предлагается взять за основу, — кейнсианские механизмы преодоления экономического кризиса, ордолиберальную политику ФРГ или экономические реформы Г. К. Орджоникидзе и А. Н. Косыгина в СССР. Важно то, что все эти экономические инструменты были эффективны лишь в свое время, в уникальном цивилизационном и историческом контексте. Но время, прошедшие десятилетия, а иногда и века, за счет абберрации дальности естественным образом упростили наше представление о давно прошедших реформах, превратив их из живого, постоянно меняющегося процесса в мертвую схему.

В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления. Поэтому возникает насущная необходимость выявить и спрогнозировать те процессы и явления, которые характеризуют современное экономическое поведение горожан как потребителей.

Жан Бодрийяр подчеркивая то, что современное ему общество перешло к символическому обмену, в частности отмечал: «Сказать, что сфера материального производства и сфера знаков взаимно обмениваются содержанием, — это еще слишком мало: они в буквальном смысле исчезают как таковые и утрачивают свою соотнесенность, а равно и свою детерминированность, уступая место гораздо более обобщенной по своему устройству форме ценностей, где и обозначение и производство уничтожаются» [Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2009. С. 54]. Преобладание у высших и части средних классов СНГ, сконцентрированных преимущественно в городах, символического потребления радикально меняет экономическое поведение горожан.

Социальные практики потребления органических продуктов питания в российских мегаполисах

Потребление органических продуктов питания становится все более популярной потребительской практикой в России, и особенно ярко эта тенденция проявляется в больших российских мегаполисах. Так как в России не проработана законодательная база в сфере органического земледелия, а рынок экопродуктов находится пока на стадии формирования, не существует четких границ, разделяющих понятия «экопродукты», «фермерские продукты» и «органические продукты». Органическую сертификацию имеют в основном иностранные продукты питания, тогда как для большинства российских производителей этот процесс является непосильным как с точки зрения затрат, так и с точки зрения соответствия строгим критериям отбора. Поэтому вместо институционального доверия работает личное: потребители вынуждены верить маркировкам производителей и словам продавцов, не имея возможности проверить, действительно ли они получают то качество и свойства продукта, за которые они переплачивают. Критерием выбора служат вкусовые характеристики, личное доверие к посреднику или производителю, а также информация, полученная от знакомых, друзей, на форумах в интернете.

Кого можно отнести к потребителям органических продуктов питания? В основном это жители городов, обеспокоенные распространяемой в СМИ информацией о вреде массового использования химических красителей, ароматизаторов и консервантов, используемых при производстве обычных продуктов питания. Они не удовлетворены качеством доступных им продуктов питания, а их доход позволяет переплачивать за экологические свойства продуктов, их безопасность и вкус. Это молодые мамы, которые покупают органические продукты для своих детей, приверженцы здорового образа жизни, потребители, вынужденные перейти на более здоровую еду по состоянию здоровья, и потребители, следующие за модой на экологичность. Социальные практики потребления органических продуктов питания и способы коммуникации потребителей меняются в зависимости от того, к какой категории относится потребитель и где именно осуществляется покупка. Обмен мнениями, оценками и опытом между потребителями в интернет-пространстве, а также наличие обратной связи от производителя или посредника способствуют повышению уровня доверия к органическим продуктам питания и создают совершенно новые возможности для распространения данных потребительских практик.

Таранова Ольга

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Мегаполис: плотность населения и проблема доверия

**Тульчинский
Григорий**

Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа
экономики»,
Санкт-Петербург

С эпохи неолита общецивилизационной закономерностью является нарастающая концентрация населения, формирование городов, развитие урбанизированной среды, обеспечивающей интенсивность коммуникации, интеграцию социального капитала, возрастание и реализацию человеческого капитала.

Особая роль городов, и прежде всего мегаполисов (точнее — мегалополисов), характерна и для современности [Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М., 2014.] Как показала недавняя специализированная сессия ОЭСР, развитие неурбанизированных (rural) регионов предполагает их зависимость от агломераций и интеграцию с ними [Нещадин А. А., Тульчинский Г. Л. Развитие неурбанизированных территорий: инновации и социальное партнерство // Общество и экономика. 2012. №11. С. 85–94].

Вместе с тем, рост урбанизации, на первый взгляд, парадоксально, но ведет к снижению такого важного фактора экономического развития, экономической культуры в целом, каковым является социальное доверие — межличностное, институциональное. Доверие — фундаментальное условие и решающий фактор консолидации социума, без которого невозможно не только экономическое развитие, но и просто полноценное существование социума. В небольших поселениях срабатывает эффект «сплачивающего» доверия, основанного на непосредственном общении, морали, семейно-клановых отношениях, этнической и конфессиональной идентичности и прочих неформальных институтов. С ростом численности населения на первый план выходит доверие, «наводящее мосты» между представителями различных сообществ, обеспечиваемое формальными, прежде всего государственными институтами.

Однако гиперурбанизированная среда порождает разобщенность, способствует росту недоверия, росту преступности [Кристи Н. Плотность населения. СПб., 2015]. Это проявляется не только в личностном отчуждении, стратификации проживания, формировании различных гетто. Ситуацию усугубляет развитие современных информационных технологий (интернет, социальные сети), создающих разобщенные самодостаточные сообщества, новые возможности манипулирования и хорроризации. В этой ситуации политические институты, гражданское общество сталкиваются с новыми серьезными вызовами.

Вальтер Беньямин об экономике и эстетике мегаполиса: старьевщик в «столице XIX столетия»

Незавершенная «Книга пассажей» Вальтера Беньямина (1892–1940) может рассматриваться как один из самых новаторских и радикальных опытов помыслить социологию и экономику мегаполиса исходя из различных фигур городского «дна», сосредоточиваясь, в частности, на темном и эмблематическом сословии старьевщиков. Вместе с тем, сам метод и композиция книги, отражая структуру парижских пассажей и улиц, предстают как вид сбора всякого рода литературного старья, соотносясь также с работой архивариуса и коллекционера.

Наверное, парижский старьевщик середины XIX века даже рядом не стоял с денди или праздным фланером, с фигурами которых обыкновенно соотносится образ Шарля Бодлера — истинно парижского поэта; тем не менее, типологически они сближаются, с одной стороны, в стихии такого времяпрепровождения, как расхаживание по улицам Парижа (хотя, конечно, тряпичник фланирует по ночам и не столь беззаботно, как светский щеголь), с другой — в состоянии относительной экономической независимости: если денди-фланер живет преимущественно в кредит, прогуливает наследство или приданое супруги, то старьевщик работает исключительно на себя — он не включен ни в артель, ни в гильдию, ни в цех, более того, у него есть несколько «своих» улиц, где он ночами царь и бог.

Вместе с тем, можно было бы сказать, что плох тот старьевщик, что не мечтает стать антикваром: фигура старьевщика является ключевой для парижской жизни XIX века, в ее вариациях — старьевщик-вор, старьевщик-пьяница, старьевщик-скандалист, старьевщик-философ и т. п. — отражается многоликое разнообразие повседневного существования и коллективного воображения «парижского дна». Ночами старьевщик рыскает по улицам большого города в поисках бумажных отходов и старых тряпок, идущих на производство бумаги, спрос на которую резко возрос к началу «эры газет», но промышленяющего также сбором разного рода хлама, в котором ему случается наткнуться на различные диковины, способные иной раз существенно поправить его состояние.

Именно в стихии относительной экономической самостоятельности парижский тряпичник сближается с «ветошниками фельетонов» (К. Маркс), литературными поденщиками, пишущими на потребу дня. Впрочем, в этом плане грань меж-

Фокин Сергей

Санкт-Петербургский государственный университет

ду бездарным щелкопером и пером высокого полета могла быть условной: для газет не гнушались писать Бальзак, Готье, Барбе д'Оревилли, По, Бодлер, молодой Достоевский. Действительно, как старьевщик живет тем, что подбирает на улицах, так и иные кропатели снабжают ежедневные издания всякого рода мусором, впрочем, не лишенным иной раз проблесков таланта, — уличными сценками, светскими сплетнями, уголовными хрониками, фельетонами и физиологиями.

Конструирование репутаций креативных профессионалов на рынке актуального искусства: случаи Гамбурга и Санкт-Петербурга

В социальных науках и обыденных представлениях художник традиционно предстает как творец-одиночка, изолированный от социального окружения. Стереотипизированный образ одинокого художника, противопоставляющего себя обществу, устойчиво воспроизводится как элемент культа творца. Между тем, художники испытывают зависимость от условий и факторов, определяющих экономический статус и престиж труда профессионалов, занятых в сфере искусства, и включены в обширные сети профессиональной коммуникации. В докладе мы сфокусируемся на случаях, где ярко проявляется коммуникативная и коллективная природа современного искусства, представив результаты полевого исследования гамбургских и петербургских арт-групп, работающих в формате contemporary art. Аккумулируя материальные, информационные и репутационные ресурсы участников, такие группы становятся платформами для создания, презентации и продвижения художественных произведений на локальных и глобальных арт-рынках. Учитывая особую внеэкономическую логику этих рынков, где символическое признание зачастую оказывается важнее коммерческого успеха, арт-группы вырабатывают собственные стратегии и тактики, связанные с определением целевых аудиторий и форм коммуникации с ними, дистанцированием от широкой публики посредством использования сложного концептуального языка и новаторских средств художественного выражения, сотрудничеством с городскими и национальными администрациями, локализацией в городском пространстве, выбором экспозиционных площадок, противопоставлением себя другим художникам и группам. Однако одновременно участники арт-групп ставят задачи по конструированию уникальных индивидуальных образов и созданию и поддержанию собственных художественных репутаций, что нарушает сложившиеся отношения кооперации и проблематизирует идентификационные основания коллективов художников. Материалы исследования свидетельствуют о том, что членство в арт-группах может способствовать приращению символического капитала художников преимущественно на ранних этапах творческой карьеры, представляя собой один из ключевых факторов социального конструирования художественных репутаций.

Хохлова Анисья

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Ипотека в современном российском городе: новые биографические риски и возможности

**Хохлова Анисья
Тыканова Елена**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Поиск и приобретение нового жилья являются важным и проблематичным этапом жизненных траекторий многих российских горожан. При этом в ситуации отсутствия или дефицита иных жилищных капиталов оформление ипотеки является для них востребованным способом осуществления восходящей жилищной мобильности. Опираясь на материалы качественного полевого исследования, в своем докладе мы задаемся вопросом о том, как ипотека меняет повседневную жизнь, а также краткосрочное и долговременное планирование петербуржцев. В частности, мы стремимся выявить факторы, способствующие или препятствующие принятию горожанами решения об обращении к ипотечному кредитованию; определить критерии выбора жилья и вида ипотечного продукта (в зависимости от «стартового капитала» информанта, его кредитной истории, финансовой грамотности, возраста, социально-экономических характеристик, семейного положения, влияния социального окружения); проанализировать роль посредников, участвующих в поиске жилья и оформлении ипотечного кредита (юристов, агентов, представителей ближнего социального круга); изучить формы и комбинации ресурсов, значимых при оформлении погашении ипотечного кредита (социальный капитал, профессиональный опыт, финансовые и иные материальные ресурсы, физические и эмоциональные инвестиции); определить, как горожане оценивают риски и возможности, связанные с кредитованием; выявить спектр стратегий и тактик минимизации издержек в ходе получения и погашения ипотечного кредита; описать сценарии трансформации ритмов жизни информантов после оформления ипотечного кредита (в частности, изменения горизонта планирования, перераспределение финансовых ресурсов). Мы показываем, что жилищная мобильность с использованием ипотечных кредитов осуществляется в контексте усиливающейся социальной дифференциации, социально-экономической дестабилизации, отсутствия институциональных гарантий, вынужденной смены мест работы и сфер занятости, прекаризации трудовой деятельности, что порождает выраженные социальные издержки: размывание горизонтов планирования, распространение тактик приобретения «промежуточного» жилья, длительное ожидание отсроченных жилищных дивидендов. Восходящая жилищная мобильность характеризуется диверсификацией предложений в зависимости от спектра рисков и глубины планирования горожан, а также профессионализацией знания о рынке жилья и дальнейших опе-

раций с ним. Кроме того, ипотека зачастую сопровождается проблематизацией отношений доверия и реципрокности в семье, что объясняется необходимостью формализации и рационализации отношений с родственниками, с одной стороны, и мобилизацией дружеских и близкородственных сетей поддержки — с другой.

Этические аспекты, доходы и издержки рынка алкоголя в Минске

**Худолеева
Мария**

«Эстетик-Трайпл»

В 2014 году Всемирная организация здравоохранения признала Беларусь самой пьющей страной мира. В то же время исследовательская компания Euromonitor International поставила Беларусь на третье место в мире по расходам жителей на алкоголь. Эксперты Министерства здравоохранения РБ рассчитали расходы государства, связанные с потреблением алкоголя населением, которые с учетом социального ущерба превышают доходы от продажи спиртных напитков. При расчете учитывались не только прямые издержки, например, на оказание медицинской помощи алкоголикам, но и косвенные, связанные с социальным ущербом. В итоге убытки от потребления алкоголя превысили доходы от продажи спиртного в восемь раз. Он составил 7,2% от ВВП — это более \$4 млрд. Таким образом, доходы, получаемые государством от алкогольной промышленности, нивелируются за счет огромных издержек, которые несет государство от злоупотребления алкоголя гражданами.

Однако, по опыту антиалкогольной кампании СССР (1985–1987) полный отказ от продаж алкоголя в краткосрочном периоде является губительным для экономики. В 1985–1987 годах уменьшение государственной продажи алкоголя сопровождалось ростом продолжительности жизни, ростом рождаемости, сокращением смертности. В то же время уменьшение продаж алкоголя сопровождалось увеличением случаев фальсификации алкогольной продукции, нелегальных продаж, учащением случаев токсикомании среди населения. В условиях кризиса, случившегося из-за недостаточных поступлений в бюджет со стороны пищевой промышленности, дожидаться долгосрочного положительного результата не было возможности, поэтому было решено прекратить антиалкогольную кампанию. В результате потребление спиртного на душу населения уже в 1994 году достигло семнадцати литров на душу населения, что привело к катастрофическому росту смертности. В настоящее время необходимо найти баланс между морально-этическими нормами и экономическими аспектами этой проблемы.

Город и креативные индустрии

География городов выделяет три специфических фактора их развития: экономико-географическое положение, городская среда и человеческий капитал. Несомненно, эти специфические факторы (особенно последние два) оказывают влияние и на творческие индустрии. Причем влияние взаимное; присутствие творческих индустрий в городе благоприятно сказывается на городской среде и привлекает людей с высоким творческим, образовательным, культурным потенциалом. Что в свою очередь становится конкурентным преимуществом города в привлечении туристов, инвесторов, профессионалов, что уже можно измерить в экономических показателях — рост ВРП, создание рабочих мест и в целом улучшение качества жизни. В этом смысле творческие индустрии становятся именно индустриями, то есть экономическим видом деятельности, направленным на создание продукта или услуги и получение прибыли.

Творчество, как и созидание-креативность, это неотъемлемая часть человеческой жизни и существовало всегда. Однако именно постиндустриальная экономика выводит творческий потенциал на передний план экономической деятельности. При этом важно учитывать, что создание творческого продукта — дорога с двусторонним движением. В творческом процессе по созданию и предоставлению творческих услуг и продуктов важен не только создатель, но и потребитель. Именно от уровня запросов потребителей зависит сохранение творческих индустрий в городе. Причем потребители — это не только горожане, но и гости города.

Творческие индустрии выполняют ряд функций. Помимо участия в формировании городской среды влияния на ее разнообразие и привлекательность, творческие индустрии создают рабочие места и способствуют самозанятости населения, что в условиях нестабильной экономической ситуации является дополнительной поддержкой для городской экономики. Более того, творческие индустрии формируют образ жизни горожанина, а также являются мощнейшим фактором развития городского туризма.

Проблемы творческих индустрий Казани схожи с другими городами, стремящимися развивать креативную экономику, но находящимися в начале пути и испытывающими «трудности первых шагов»: это отсутствие знаний и навыков организации

**Хуснутдинова
Светлана
Сафонова Мария**

Казанский
федеральный
университет

собственного дела у людей творческих профессий или склада ума, слабая юридическая, бухгалтерская, маркетинговая осведомленность, отсутствие необходимой консультационной поддержки творческих индустрий, недостатки коммуникативной среды — бизнеса, власти и общества.

Еще одна группа проблем связана с «жизнью в онлайн», что имеет объективные причины, в том числе финансовые: события освещаются в соцсетях при слабом отражении в офлайн-реальной жизни, и город, городская среда слабо задействованы в жизни творческих индустрий, мало «случайных» участников; «замкнутость» в рамках группы информированных — некая «элитарность», слабое вовлечение городского сообщества в события, генерируемые творческими индустриями, соответственно, упущенная экономическая выгода.

Подготовка статьи осуществлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №15-13-16004 а(р)

Китайский ресторан в Санкт-Петербурге: экономико- социологическое исследование

Данный доклад посвящен китайскому ресторану как экономическому и социальному явлению в Санкт-Петербурге; будут представлены общие результаты социологического наблюдения в пятидесяти шести китайских ресторанах Санкт-Петербурга, результаты анкетирования ста посетителей китайских ресторанов и шести глубинных интервью с посетителями китайского ресторана в Санкт-Петербурге.

Мы попытаемся определить влияние социальных факторов на успешное развитие китайского ресторана в Санкт-Петербурге, в том числе через выявление социальных характеристик посетителей китайского ресторана как специфической социальной группы. Китайский ресторан в Санкт-Петербурге — это не просто экономическое предприятие питания, но заведение, преимущественно опирающееся на механизмы социальных сетей, а именно — социальные сети китайцев, проживающих здесь или посещающих Санкт-Петербург. Китайские студенты в определенной степени образуют изолированную общность, поэтому посещение китайских ресторанов в Санкт-Петербурге будет в значительной степени зависеть от того, как эффективно будет применяться стратегия по созданию прочной клиентской базы среди некитайских посетителей.

Для краткосрочного развития большинства независимых и теневых китайских ресторанов в Санкт-Петербурге не имеет особого значения степень посещаемости ресторана местным населением. В свою очередь, сетевые китайские рестораны в целях долгосрочного и успешного развития заинтересованы в привлечении не только китайских клиентов, но и большего числа местных жителей. Таким образом, достижение успеха в развитии китайских ресторанов в Санкт-Петербурге будет в значительной степени зависеть от того, как эффективно будет применяться стратегия по созданию прочной клиентской базы среди некитайских посетителей.

Цзинь Цзюнькай

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Городские пространства — от ничейности к коммунальности

Шейкин Артем
РАНХиГС

В Санкт-Петербурге исторически сложилось большое количество пространств различных категорий. Таких, например, как парки, сады, скверы. А вместе с ними и обратные результаты жизни мегаполиса — пустыри, свалки, карьеры.

Каждое такое пространство когда-то было вовлечено в деятельность городского хозяйства или жизнь горожан, но в нынешнем состоянии оно вытеснено из повседневного сознания жителей. Как перейти от ничейности таких пространств к их коммунальности, совместному пользованию?

Примером продолжительного периода ничейности можно назвать один из объектов уже перечисленной категории — Ивановский карьер. Отношение жителей Невского района к этому объекту проходило длительную трансформацию от условной ничейности к вере в дальнейшее превращение территории из карьера в парк. На примере работы общественного движения «Народные эксперты» мы наблюдали эту трансформацию поэтапно, на всех стадиях развития проекта по благоустройству карьера, и выделили ряд значимых факторов, которые могут привести к формированию образа совместного пользования и совместной ответственности за отдельно взятое пространство. Среди этих факторов:

1. Разделение ответственности за территорию между различными сторонами. В такой ситуации необходимо появление одной активной стороны, запускающей процесс многостороннего диалога и заявляющей свое обязательство по заботе над территорией. В процессе выстраивания и развития диалога формируется ответственность жителей района и организаций, использующих карьер под свои нужды, — морской технический колледж, подростково-молодежные клубы, база МЧС и другие.
2. Совместный труд над объектом коллективной ответственности. Этот фактор позволяет перейти запущенному диалогу на новый уровень и перевести дискуссию в формат сотрудничества на благо общего дела.
3. Вера в успешную перспективу от реализации проекта. Данный фактор крайне важен для того, чтобы начатый процесс взаимодействия, сотрудничества и диалога не остановился из-за недостатка мотивации у каждой из сторон.

4. Разделение успеха. По мере реализации отдельных этапов общего проекта по благоустройству важно, чтобы все участники процесса почувствовали свою сопричастность к достигнутым результатам и успеху.

Социальные процессы, протекающие по схожему с вышеописанным алгоритмом порядку, обладают высоким потенциалом реализации с точки зрения приобщения жителей к той или иной территории. Без коллективного понимания, что определенное пространство является общим, что его судьба во многом зависит от самих жителей, организаций, сообществ, невозможно прийти к понятию «коммунальность» — как невозможно избавиться от имиджа «ничейности».

Естественные монополии в структуре мегаполиса

Шишкин Михаил

Санкт-Петербургский государственный университет

В современной России естественные монополии играют чрезвычайно важную роль, что связано с такими особенностями отечественной экономики, как ее масштаб, отраслевая структура, международные экономические связи, история недавнего советского прошлого.

Как известно, естественная монополия — это ситуация, когда в силу различных причин (и технического и экономического свойства), оптимальный размер фирмы совпадает с размером всей отрасли или рынка и введение конкуренции снижает эффективность производства. Подобное положение наблюдается как на федеральном рынке, так и в масштабе экономики отдельно взятого города. Последний случай является объектом данного исследования.

Регулирование естественной монополии со стороны государств а и городских властей носит прямой характер. Его главные цели состоят в гармонизации общественных интересов и эффективности функционирования самих монополий. Для защиты общественных интересов государство должно в условиях естественной монополии определить круг обязательных получателей услуг или товаров естественных монополистов и установить минимальные размеры предоставляемых услуг, а также осуществлять ценовое регулирование их деятельности. Для этого обычно регулируются следующие параметры: перечень обязательных для обслуживания клиентов; уровень тарифов (цен); объем производства; уровень дохода монополиста; процент непрофильных активов в структуре монополиста; слияния; качество продукции; инвестиционные программы.

В городском хозяйстве к естественным монополистам чаще всего относят некоторые виды транспорта (например, метро), различные коммунальные сети (энергетика, тепло и водоснабжение, канализация и т. п.). В отдельных случаях (Швеция) в число естественных монополий городского уровня включены муниципальное жилье и офисная недвижимость, предприятия по обслуживанию школ, театры, кинотеатры и даже автостоянки.

С точки зрения собственности, существуют два основных подхода к естественным монополиям. В США это преимущественно частные компании, в Швеции — государственные или муниципальные (или унитарные предприятия или акционер-

ные общества со 100% акций у муниципалитета). У каждого из подходов есть свои преимущества и недостатки. В России применяется смешанная система, при которой основные естественные монополии являются акционерными обществами с преобладанием доли государства. Эта система в настоящем виде имеет существенные недостатки — акционерные общества преследуют свои индивидуальные цели, зачастую противоречащие общественным (например, в области установления тарифов и инвестиционных программ). Но при этом за допущенные просчеты отвечает государство. Исходя из национальных традиций представляется целесообразным перевести городские естественные монополии в муниципальную собственность, но усилить общественный контроль за их деятельностью.

С этой точки зрения можно воспользоваться шведским опытом. Он сводится к следующему: муниципалитет формирует из специалистов директорат естественной монополии, во главе его становится депутат законодательного собрания; управление связанных между собой естественных монополий (коммунальное хозяйство) может быть объединено в государственный концерн; законодательное собрание города утверждает основные инвестиционные и финансовые планы естественного монополиста, при этом муниципальная комиссия устанавливает тарифы на услуги естественных монополистов.

Особенности потребительского поведения в условиях мегаполиса

**Шишкина
Татьяна**

Санкт-Петербургский
государственный
университет

В условиях мегаполиса модель экономического человека требует пересмотра и расширения за счет включения стратегий привычного потребления и престижного потребления как реакции на культурное принуждение.

Модель экономического человека является одной из самых устоявшихся в экономической теории и, несмотря на включение в дискурс оппортунизма и неполноты информации, является тем, что Лакатос называл твердым ядром теории. В XIX веке на базе предположения о совершении индивидом рационального выбора строятся классическая и австрийская школы экономической науки, а в XX веке утвердившаяся уже в неоклассике рационалистическая риторика получает дополнительное подкрепление со стороны теории игр.

Однако совершение индивидом рационального выбора в каждой ситуации не является аксиоматическим и требует дополнительной аргументации. Так, Джордж Котона разделяет поведение экономических агентов на поведение, направленное на решение проблемы, и поведение по привычке. Нами был выделен ряд предпосылок распространения привычного потребления в мегаполисах: экспоненциально растущий объем информации о товарах и рынке, значительно увеличивающий долю затрат на ее обработку; рост и диверсификация предложения товаров, доступных для выбора потребителем; рост временных и транспортных издержек. Эти факторы в совокупности приводят к тому, что жители мегаполиса в каждом дневном экономическом поведении отдают предпочтение привычному потреблению — выбирают уже проверенные товары, услуги и маршруты, — а к рациональному выбору из большого количества альтернативных стратегий прибегают только в нетипичных или разовых ситуациях.

Вторым отклонением от дискурса модели рационального поведения, наблюдаемым в мегаполисе, является специфическая форма престижного потребления. Атрибуты, маркеры статуса в мегаполисе более размыты и разнообразны, чем в городах с относительно меньшей плотностью населения. Большой объем населения, многообразие социальных групп порождают значительную диверсификацию культурных кодов. Сложность системы, тем не менее, не приводит к уменьшению роли иерархии, и в такой ситуации значение внешней демаркации статуса

не показывает тенденции к понижению. Таким образом, для того, чтобы утвердить свой статус, индивиду необходимо не только прибегать к традиционным для своей группы формам престижного потребления (что происходит в небольших городских образованиях), но и искать более универсальные способы демаркации статуса, коды поведения, которые бы подлежали дешифровке и другими группами. В такой ситуации престижное потребление становится тем, что Бодрийяр называл культурным принуждением, своего рода вынужденной обязанностью индивида, стремящегося утвердить свою уникальность в унифицирующем разнообразии мегаполиса.

В ходе проведенного нами исследования были выдвинуты предположения о направлениях корректировки модели экономического человека с учетом контекста жизни в мегаполисе. Жизнь индивида в мегаполисе обнаруживает значительные отличия от жизни в небольших городах и, в особенности, в городах, подразумеваемых в рамках классической экономической теории. Полученные в ходе исследования выводы о характере престижного и привычного потребления подтверждают необходимость более подробного изучения специфики экономического поведения индивида, структуры его потребления и процесса принятия решений в условиях мегаполиса.

«Паноптикум» альтернативных экономик

Щукин Денис

Санкт-Петербургский государственный университет

Как и принадлежащие мейнстриму экономические системы, альтернативные экономические парадигмы, разворачиваются в логике повышения эффективности при сокращении используемых ресурсов. Речь идёт не только о разработке новых стратегий и инструментов финансовой конверсии, но и о более продуктивной эксплуатации механизмов символической экономики – производства впечатлений, знаний и эмоций. Традиционная эффективность достигается за счёт уменьшения транзакционных издержек, формирования путей прямого взаимодействия субъектов, создания высокотехнологичной инфраструктуры, связывающей участников новой экономической деятельности, а также массовизации клиентской базы и увеличения рынка потребителей за счёт самих производителей товаров и услуг, что становится возможным благодаря гибкости смены статусов и ролей. Символическая эффективность может означать способность достижения субъективно значимых эмоций в оптимальных социальных условиях, метафорически отсылая к образу будоражащего сознание, но совершенно безопасного аттракциона. Безопасность связана, в частности, с ограничением нежелательного социального опыта при сохранении наиболее значимой символической функции системы. При этом, с одной стороны, альтернативные экономики позволяют более продуктивно использовать символические практики в качестве «валюты», которой могут быть оплачены получаемые товары и услуги, с другой стороны, в условиях технологизации процессов спектр используемых символических практик зачастую уменьшается.

Эффективность альтернативных экономик связывается с понятием социального капитала, определяемого через принципиальную предсказуемость действий других акторов системы. Высокотехнологичные решения, сайты и приложения, позволяют вступать в целевой утилитарный контакт и даже производить оценку деятельности другого, всегда сопровождающую социальное взаимодействие, при помощи формализованных шкал. Источником доверия становится интерактивный интерфейс – делегат, принявший на себя – в логике Латура – функцию регулятора поведения субъекта, которое раньше регламентировалось в рамках правового или этического поля. Дополнительно гарантировать высокий уровень генерализованного доверия помогают особенности распределения власти, которая не при-

существует постоянно, а проявляет себя лишь в случаях системных сбоев или медиации конкретных конфликтов. Решения властной институции оказываются объективными в связи с гибкостью ролей, так как каждый участвующий в системе актор является и производителем, и потребителем, а значит, представляет равную ценность для системы. Модель подобной альтернативной технологической власти также обладает паноптическим характером. Как в паноптикуме Бентама или Фуко, где порядок обеспечивался одним надзирателем, следившим за деятельностью преступников, сидящих в оборудованных прозрачными стенами и находящихся на виду камерах, так и в рамках современных мобильных приложений любые действия пользователя легко отслеживаемы, контролируемы и предсказуемы, а взаимодействие между субъектами осуществляется при посредничестве конкретной предзаданной инфраструктуры.

Городские гражданские инициативы. Кейс «Красивый Петербург»

Яшина Алина

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Рост городов, активизация гражданской самоорганизации в российских городах, а также слабость государственных структур в решении городских проблем, появление новых сетевых технологий принятия и коррекции решений (краудсорсинг, краудмэппинг, бенчмаркинг и прочие) вызвали потребность в исследовании различных моделей взаимодействия органов власти, бизнеса и локальных общественных объединений.

В качестве предмета исследования была выбрана деятельность локального сообщества Санкт-Петербурга, использующего социальные сети и различные сетевые технологии для решения местных проблем, и его взаимодействие с органами власти. Областью исследования была выбрана городская жилая среда, которая, во-первых, отражает такие необходимые для жизни и развития человека, общества и государства элементы, как инфраструктура, экология, безопасность и, во-вторых, насыщена новыми гражданскими инициативами.

Представленный материал является предварительным результатом исследования и основан на анализе глубинных интервью и данных сайтов и социальных сетей по кейсу «Красивый Петербург.рф». «Красивый Петербург» — это локальное сообщество, появившееся в 2012 году по инициативе обычного жителя Санкт-Петербурга Красимира Врански, который захотел изменить среду, в которой он жил. Оно сформировано по сетевому принципу свободного объединения граждан. Такая форма показала себя как успешная. За несколько лет, с 2012 по 2015 годы, число сторонников «Красивого Петербурга» выросло с одного участника — идеолога проекта до сорока пяти тысяч человек, создана сеть подобных движений еще в тридцати трех городах России.

Ключевая цель исследования — выяснить, являются ли подобные локальные сообщества эффективным механизмом влияния на публичную сферу, и могут ли они быть рычагом в решении городских проблем (то есть запускать их решение в действительность), а также формировать новую культуру безопасности в городе и социальную ответственность граждан.

Предварительные результаты исследования показали, что «Красивый Петербург», использующий современные технологические решения (краудсорсинг), способ-

ствует развитию гражданского контроля и формированию нового типа гражданина. В деятельности такого рода сообществ не просто агрегируются интересы граждан, но и осуществляется поиск взаимодействия с городскими властями, бизнесом и НКО.

Технологические инструменты (краудсорсинг) позволили сделать деятельность данной инициативы более эффективной и открытой, а применение социальных сетей позволило стимулировать обсуждение среди различных заинтересованных сторон, добиться единого представления о решении проблемы, найти сторонников. Согласование интересов достигается за счет осознания необходимости получения общего результата посредством чувства общей ответственности. В целом подобные инициативы обладают реальной способностью порождать повышенную устойчивость и снижать сопротивление к реализации политики. Более того, тот факт, что в основе деятельности «Красивого Петербурга» лежит принцип коллективно-организованного действия, направленного на социальные изменения, способствует массовой социализации ответственности и формирует интенсивный путь социального развития, который предполагает формирование социального сознания и умения делать такой социальный выбор, при котором субъект несет ответственность в том числе за бережное отношение к человеческим ресурсам.

